

Полная иллюминация

Автор:

Джонатан Фоер

Полная иллюминация

Джонатан Сафран Фоер

«Юмор – это единственный правдивый способ рассказать печальный рассказ», – утверждает Джонатан Фоер устами своего героя. В печально-смешном путешествии двух подростков – американца и украинца – сплелись воедино события Второй мировой войны, традиции еврейского народа и взгляд на современную молодежь, которая цинизмом и бахвальством скрывает свои по-детски тонкие, ранимые души... Книга, которую трудно пересказывать, но хочется цитировать и перечитывать.

Джонатан Сафран Фоер

Полная иллюминация

Вместо предисловия

Терпеть не могу предисловий. Во-первых, потому что они всегда намекают на некое превосходство того, кто их написал, над тем, кому они адресованы. (Так и хочется сказать, пролистывая: «Сам знаю, не дурак».) А во-вторых, потому что, дочитав книгу до конца, все равно приходится к ним возвращаться («Так о чем же все-таки все это было?»).

Но это как с советами детям: знаешь, что не помогут, а все равно даешь. Смотри по сторонам. Будь осторожен. Не пей холодное. Потому что желание поделиться нажитой мудростью – это почти условный рефлекс. А два с половиной года наедине с книгой – это почти мудрость.

Прошу только об одном: ничему не удивляться. «Полная иллюминация» – это роман, в котором иллюминация наступает не сразу. Для некоторых – никогда. Слишком легко пройти мимо и не нащупать во тьме выключателей. И еще прошу: приготовьтесь к литературной игре. Это серьезная книга, написанная несерьезным человеком. Или наоборот. В общем, как скажет один из героев: «Юмор – это единственный правдивый способ рассказать печальный рассказ».

Кстати, о юморе. У Фоеера он совершенно особый. Потому что половина книги написана от лица человека, который не знает английского. Вернее, сам-то он убежден, что знает, и даже лучше, чем Фоеер, поэтому совершенно не стесняется. Его ошибки – неисчерпаемый источник комизма. То он употребляет слова в неверном контексте, то сыпет канцеляризмами, полагая, что этого требует эпистолярный слог, то путает времена, то слишком прямолинейно истолковывает значение идиомы. Эффект в результате получается неожиданный: от многократного повторения ошибки превращаются в правила, безграмотность начинает восприниматься как стиль. Но чтобы это по-настоящему оценить, нужно сделать усилие. Особенно вначале. От хорошего коньяка тоже ведь не сразу начинаешь получать удовольствие.

Допускаю, что у кого-то может возникнуть впечатление, будто переводчик оправдывается: на самом деле он просто не знает русского языка. Не стану отрицать: такое с ним иногда случается. Но это не тот случай. Здесь он сознательно ставил перед собой задачу сохранить для русскоязычного читателя то ощущение, которое испытывает от книги читатель англоязычный. Недоумение, возмущение, шок, а в конечном итоге – невыразимое удивление. Оказывается, чтобы говорить о сложнейших вещах, грамоту знать совсем не обязательно. Тот, кому есть что сказать, найдет правильные слова, даже если их у него не больше, чем у Элочки-Людоедки.

Тут самое время поискать правильные слова благодарности. Потому что во время работы переводчика неустанно подбадривали близкие, безропотно дожидаясь издатель и методично выводила из бесчисленных литературных тупиков наставница, искусствовед и друг Виктория Вайнер. Вита. Без ее тонкой, остроумной, дотошной правки книга осталась бы, наверное, не более чем

упражнением переводчика-дилетанта. Это она довела ее до ума назло душившему ее раку. Это она, умирая, приказала ей долго жить.

В заключение могу лишь сказать, что старался наилучшайше и сделал лучшее из того, что мог, что было лучшим из того, что я мог бы сделать. Так написал Фоер. Больше мне добавить нечего.

Василий Арканов,

Ваш смиренный переводчик

1 апреля 2005

Полная иллюминация

Просто и невозможно:

МОЕЙ СЕМЬЕ

Увертюра к начатию необычайно емкотрудного путешествия

МОЕ ЗАКОННОЕ ИМЯ Александр Перчов. Но множественное число моих друзей обзывает меня Алекс, потому что так более изрекательнее. Мама обзывает меня Алексей-не-нервируй-меня! потому что я всегда ее нервирую. Если хотите знать, почему я всегда ее нервирую, так это потому, что я всегда где-нибудь с друзьями, рассеивая столько много валюты, исполняя столько много вещей, способных занервировать мать. Отец прежде обзывал меня Шапка – за ушанку, в которую я облачаюсь даже в летний месяц. Он прекратил меня так обзывать, потому что я распорядился, чтобы он прекратил меня так обзывать. Для меня это звучало по-мальчишески, а я привык считать себя мужчиной с мощью и производительностью. У меня много-много подружек, можете мне поверить, и у каждой для меня особое имя. Одна обзывает меня Бэби, не потому что я бэби, а

потому что за мной нужно присматривать. Другая обзывает меня Ночь Напролет. Хотите знать, почему? Есть еще третья, которая обзывает меня Валюта, потому что я столько много ее рассеиваю вокруг. За это она целует след между моих ног. У меня есть миниатюрный брат, который обзывает меня Алли. Я от этого имени не сильно торчу, зато я сильно торчу от своего брата, так что о'кей, позволяю ему обзывать себя Алли. Что же до его имени, то оно Игорек, но Отец обзывает его Неуклюжина, потому что он безостановочно прогуливается в предметы. Вот и за три дня до накануне он осинил себе глаз из-за плохого управления с кирпичной стеной. Если вам любопытно, как зовут мою суку, то ее зовут Сэмми Дэвис Наимладшая. Ее так зовут, потому что Сэмми Дэвис Младший был возлюбленным певцом Дедушки, а сука его, а не моя, и это не я, кто считает, что он слепой.

Что до меня, то я был произведен на свет в 1977-м, в один год с героем этой истории. По правде, жизнь у меня с тех пор была самая обыкновенная. Как я уже упоминал, я делаю много хороших вещей с самим собой и с другими, но это обыкновенные вещи. Я торчу от американских муви. Я торчу от негров, в особенности от Майкла Джексона. Я торчу, когда рассеиваю столько много валюты в знаменитых ночных клубах Одессы. Ламбургини Кантачес – это супер, но и капучини тоже. Многие подружки хотят предаться со мной плотским утехам в разных хороших аранжировках, включительно в Подвыпившем Кенгуру, Забаве Горького и Упрямом Зоопаркере. Если хотите знать, почему так много подружек меня домогается, то это потому, что для интимизации вдвоем я человек высшей пробы. Уютный и беспощадно смешной – а это выигрышные вещи. И все же я знаю много людей, которые торчат от скороходных машин и знаменитых дискотек. А таких, которые запускают свой вездеход в междубюстье (что всегда заканчивается липкостью под подбородком), у меня и рук не хватит пересчитать. Людей с именем Алекс тоже много. (Только у меня дома трое!) Вот почему я начал брызгать весельем от перспективы отправиться в Луцк и переводить для Джонатана Сафрана Фоера. Это обещало быть необыкновенным.

На втором году обучения английским языком в университете я произвел безрассудно ошеломительный результат. Это была внушительная вещь, потому что мой инструктор имел говно среди мозгов. Мама до того была гордая, что сказала:

«Алексий-не-нервируй-меня! Ты теперь предмет моей гордости». Я запросил купить кожаные брюки, но она отказала. «Шорты?» – «Нет». Отец тоже был до того гордый. Он сказал: «Шапка», – а я сказал: «Не обзывай меня этим», – и он

сказал: «Алекс, теперь ты предмет материнской гордости».

Мама у меня смиренная женщина. Очень-очень смиренная. Она горбатит в маленьком кафе, удаленном на один час от нашего дома. Она презентует посетителям еду и питье, а мне говорит: «Я всхожу на автобус на час, чтобы работать весь день, делая вещи, которые ненавижу. Хочешь знать, почему? Ради тебя, Алексей-не-нервируй-меня! Когда-нибудь и ты станешь делать для меня вещи, которые ненавидишь. Это потому, что мы семья». Чего она не ухватывает, так это то что я уже делаю для нее вещи, которые ненавижу. Я ее слушаю, когда она со мной разговаривает. Я воздерживаюсь жаловаться о моих пигмейских карманных средствах. И упомянул ли я уже, что нерввирую ее далеко не так много, как жаждал бы. Но это не потому, что мы семья. Все эти вещи я делаю, потому что они элементарные вежливости. Это идиома, которой научил меня герой. И еще потому, что я не жопа с факинг-дыркой. Это еще одна идиома, которой научил меня герой.

Отец горбатит в туристическом агентстве, озаглавленном Туры Наследия. Оно для таких евреев, как мой герой, которым приспичивает покинуть эту облагороженную страну Америку и посетить смиренные городки в Польше и в Украине. С евреев, которые пытаются отрыть места, где некогда обитали их семьи, агентство отца сшибает за переводчика, гида и водителя. О'кей, до этой поездки я никогда не встречал еврея как такового. Но это их вина, а не моя, потому что я всегда не только был готов с ними встретиться, но даже без большого энтузиазма. Снова буду честен и упомяну, что до поездки я полагал, что евреи имеют говно среди мозгов. Я так заключил, потому что они платили Отцу столько много валюты, чтобы сделать отпуск из Америки в Украину. Но потом я встретил Джонатана Сафрана Фоера, и я вам скажу, что у него нет говна среди мозгов. Он многоумный еврей.

Что же до Неуклюжины, которую я никогда не обзываю Неуклюжиной, а всегда Игорьком, то это мальчик – высший сорт. Теперь мне очевидно, что он станет мужчиной с мощью и производительностью и что его мозг будет повышенно мускулистым. Мы не ведем объемистых разговоров, потому что он такой молчаливый человек, но я уверен, что мы друзья, и не думаю, что солгу, если скажу, что друзья первостепенные. Я обучил Игорька быть человеком от мира сего. Для одного примера, третьего дня я экспонировал ему непристойный журнал, чтобы он мог составить себе представление о тех многих позициях, в которых я предаюсь плотским утехам. «Так выглядит позиция шестьдесят девять», – сообщил ему я, презентуя перед ним журнал. На главное я указал

пальцем, точнее, двумя, чтобы он ничего не упустил. «А почему ее обозвали шестьдесят девять?» – спросил он, охваченный неугасимым огнем любознательности. «Ее изобрели в 1969 году. Мой друг Грегори знаком с другом племянника изобретателя». – «А как же люди жили до 1969 года?» – «Просто сосали член или жевали передок, но никогда дуэтом». Будь моя воля, я бы сделал из него настоящего VIP.[1 - VIP - Very Important Person, Очень Важная Персона (здесь и далее примечания переводчика).]

Здесь начинается история.

Но сначала я обременен продекламировать мою приятную наружность. Я недвусмысленно высок. Я не знаю женщин, которые были бы выше меня. Знакомые женщины, которые выше меня, – лесбиянки, и для них 1969 год был очень знаменательным годом. У меня красивый волос, расщепленный посередине. Это потому, что пока я был маленьким мальчиком, Мама расщепляла его сбоку, и, чтобы ее занервировать, я перерасщеплял его посередине. «Алексий-не-нервируй-меня! – говорила она. – С такой волосорасщепленностью ты похож на психически ненормального». Она так не хотела, я знаю. Мама очень часто изрекает вещи, которые, я знаю, изрекать не хочет. У меня аристократическая улыбка и кулак, которым я не прочь звездануть. Мой живот необычайной силы, хотя в данное время лишен мускулистости. Отец – толстый человек, Мама – тоже. Это не беспокоит меня, потому что у меня живот необычайной силы, даже если и выглядит толстым. Опишу свои глаза и тогда начну повествование. Глаза у меня голубые и сияющие. Теперь начинаю повествование.

Отец получил телефонный звонок из американского офиса Туров Наследия. Они нуждались в водителе, гиде и переводчике для молодого человека, который собирался в Луцк на заре июля месяца. Это была хлопотливая просьба, потому что на заре июля Украина готовилась отмечать первый день рождения своей ультрамодерновой конституции, которая до того преисполняет нас национализмом, что сразу много людей отправляется в отпуск по зарубежным местам. Ситуация была невозможная, как на Олимпиаде в 1984-м. Но Отец – наводитель благоговейного ужаса и всегда получает то, что жаждет. «Шапка, – сказал он мне в телефон, когда я, сидя дома, наслаждался величайшим документальным фильмом современности Как снимался «Триллер»[2 - «The making of Thriller» – видеоролик о том, как снимался клип Майкла Джексона Thriller.], – какой там язык ты изучал в этом году в школе?» – «Не обзывай меня этим», – сказал я. «Алекс, – сказал он, – какой там язык ты изучал в этом году в

школе?» – «Язык английского», – сообщил ему я. «Овладел ли ты им глубоко и полностью?» – спросил он. «Как рыба об лед», – сообщил ему я, надеясь сделать его достаточно гордым для покупки чехлов из зебровой кожи, о которых столько мечтал. «Отлично, Шапка», – сказал он. «Не обзывай меня этим», – сказал я. «Отлично, Алекс. Отлично. Ты должен обнулить все планы, которыми обладаешь на первую неделю июля месяца». – «Я не обладаю никакими планами», – сказал я. «Нет, обладаешь», – сказал он.

Теперь будет подходящим упомянуть о Дедушке, который тоже толстый, и даже толще, чем мои родители. О'кей, упоминаю о Дедушке. У него золотые зубы и обильный волос на лице, который он культивирует для ежедневного расчесывания в сумерках. Пятьдесят лет он горбатил на разных трудоустройствах, в основном сельскохозяйственных, а позднее – машиноманипуляционных. Его заключительное трудоустройство было в Турах Наследия, где он начал горбатить в 1950-х и упорствовал в этом до последнего времени. Сейчас он умственно состарился и живет на нашей улице. Бабушка умерла тому уже два года от рака в мозгу, и с тех пор Дедушка стал очень меланхоличным и еще, он говорит, слепым. Отец ему не верит, но все равно купил ему Сэмми Дэвис Наимладшую, потому что сука-поводырь нужна не только слепым людям, но и людям, страдающим негативом одиночества. (Мне не следовало употреблять слово «купил», потому что, по правде, Сэмми Дэвис Наимладшую Отец не покупал, а всего лишь получил из дома для забывшихся собак. По этой причине она не настоящая сука-поводырь, а также умственно ненормальная.) Большую часть дня Дедушка рассеивается у нас дома за лицезрением телевизора. Часто он на меня орет. «Саша! – орет он. – Саша, не будь таким ленивым! Не будь таким бесполезным! Сделай что-нибудь! Сделай что-нибудь стоящее!» Я никогда не вхожу с ним в полемику, и никогда не нервнирую его с намерениями, и никогда не понимаю, что значит стоящее. До смерти Бабушки у него не было этой неаппетитной привычки орать на нас с Игорьком. Вот почему мы уверены, что он этого не хочет, и вот почему мы в состоянии его простить. Однажды я обнаружил его плачущим перед телевизором. (Джонатан, эта часть о Дедушке должна остаться промежду тебя и меня, да?) Экспонировали прогноз погоды, поэтому я был уверен, что его слезы не были спровоцированы меланхолией из телевизора. Я об этом никогда не упоминал, потому что не упоминать об этом было элементарной вежливостью.

Дедушку тоже зовут Александр. Дополнительно и Отца. Все мы – первородные дети в наших семьях, что кладет на нас огромную честь, сравнимую по масштабам со спортом бейсбол, который изобрели в Украине. Своего первого сына я обзову Александр. Если хотите знать, что будет, если мой первый сын

будет девочкой, я вам скажу. Он не будет девочкой. Дедушка был произведен на свет в Одессе, в 1918-м. Он никогда не отбывал за пределы Украины. Его наидальнейшее путешествие было в Киев, когда мой дядя женился на Корове. Когда я был мальчиком, Дедушка наставлял, что Одесса – самый красивый город в мире, потому что водка дешевая и женщины тоже. Пока Бабушка не умерла, он, бывало, запускал с ней шутихи про то, как был влюблен не в нее, а в других женщин. Она знала, что это всего лишь шутихи, и смеялась объемисто. «Анна, – бывало, говорил он, – пойду посватаю вон ту, в розовой шапочке». А она в ответ: «За кого же ты ее посватаешь?» А он ей: «За себя». Я очень смеялся на заднем сиденье, а она говорила: «Ведь ты же не батюшка». А он на это: «Сегодня я батюшка». А она: «Ты и в Бога сегодня веруешь?» А он говорит: «Сегодня я верую в любовь». Отец распорядился никогда не упоминать Бабушку при Дедушке. «Это делает его меланхоличным, Шапка», – сказал Отец. «Не обзывай меня этим», – сказал я. «Это делает его меланхоличным, Алекс, и ему начинает казаться, что он еще слепой. Дай ему забыть». С тех пор я никогда не упоминаю о ней, потому что обычно делаю, как Отец говорит, если только не не хочу. К тому же звездануть он умеет.

Оттелефонировав мне, Отец телефонирует Дедушке проинформировать его о том, что ему предстоит быть водителем нашего путешествия. Если хотите знать, кому предстояло стать гидом, то вот ответ: там не будет никакого гида. Отец сказал, что гид не такая уж и незаменимая вещь при Дедушке, который нашпигован всякими знаниями после всех своих лет в Турах Наследия. Отец обозвал его экспертом. (Когда он его так обозвал, это прозвучало вполне разумно. Но, Джонатан, что ты об этом думаешь в люминесценции всего происшедшего?)

Когда в ту ночь мы втроем, трое Алексов, собрались в доме Отца, чтобы побеседовать о предстоящем путешествии, Дедушка сказал: «Я этого делать не хочу. Я человек умственно престарелый и не для того достигал умственной престарелости, чтобы снова исполнять подобное говно. Я с ним покончил». – «Плевать я хотел на твои желания», – сообщил ему Отец. Дедушка звезданул по столу с избытком насилия и крикнул: «Не забывай, кто есть кто!» Я думал, что это положит конец обмену общением. Но Отец сказал что-то странное. «Пожалуйста». А потом он сказал что-то еще страннее. Он сказал: «Отец». Должен признаться, что есть еще столько много вещей, которые я не понимаю. Дедушка возвратился в стул и сказал: «Это последний раз. Больше никогда этим заниматься не буду».

И мы сделали планы заполучения героя на львовском вокзале 2 июля, в 15:00 пополудни. Затем на протяжении двух дней нам следовало пребывать в окрестностях Луцка. «Луцк? – сказал Дедушка. – Ты ничего не говорил про Луцк». – «Луцк», – сказал Отец. Дедушка стал в задумчивости. «Он разыскивает город, из которого пришел его дедушка, – сказал Отец. – И какую-то Августину, которая уберегла его дедушку от войны. Он жаждет написать книгу о дедушкиной деревне». – «О, – сказал я, – значит, он наделен интеллектом?» – «Нет, – поправил Отец. – Мозги у него низкопробные. Американский офис информирует меня, что он им телефонирует каждый день и фабрикует многочисленные полуумные запросы о нахождении у нас пригодной к поеданию еды». – «Колбаса будет несомненно», – сказал я. «Конечно, – сказал Отец. – Он полуумный». Здесь я повторяю, что герой не полу-, а многоумный еврей. «Где этот город?» – спросил я. «Он называется Трахимброд». – «Трахимброд?» – спросил Дедушка. «Это вблизи 50 километров от Луцка, – сказал Отец. – Он обладает картой и сангвиничен в координатах. Все должно быть просто».

После того как Отец отошел на покой, мы с Дедушкой еще несколько часов продолжали лицезреть телевизор. Мы оба люди, остающиеся в сознании сильно запоздноть. (Я был на волоске к написанию, что нас обоих услаждает оставаться в сознании запоздноть, но это недостоверно.) Мы лицезрели американскую телевизионную программу с русскими словами внизу экрана. Она была про китайца, преуспевшего во владении базукой. Мы также лицезрели прогноз погоды. Погодник сказал, что на следующий день погода будет очень абнормальной, но что на следующий день после вернется в норму. Молчание промеж меня и Дедушкой можно было резать ятаганом. Единственный раз, когда кто-то из нас заговорил, было во время рекламы МакПоркбургера из Макдоналдса: он сделал ко мне разворот и сказал: «Мне не хочется десять часов рулить в какой-то уродливый город ради того, чтобы присматривать за каким-то очень избалованным евреем».

Сотворение мира наступает часто

18 МАРТА 1791 года повозка Трахима Б одной из своих двух оглобелей пригвоздила, или не пригвоздила, Трахима ко дну реки Брод. Юные двойняшки Ф первыми углядели останки повозки крушения, всплывшие на поверхность: извивающиеся змейки белых ниток, бархатную перчатку с растопыренными пальцами, пустые катушки, зашмуценное пенсне, ягоды малины и ежевики, фекалии, рюши, осколки вдребезги разбитого пульверизатора, обрывок резолюции, истекающий алой кровью чернил: Я обязуюсь... Обязуюсь.

Ханна шмыгнула носом. Чана шмыгнула в холодную воду, подтянув брючины с шерстяными подвязками на концах выше колен, каждым шагом разгребая всплывающие остатки чьей-то недавней жизни. Что ты там делаешь? – закричал опальный ростовщик Янкель Д, ковыляя в сторону девочек по чавкающей прибрежной тине. Одну руку он протягивал Чане, а другой, по обыкновению, прикрывал нитку с нанизанной на нее одинокой костяшкой счетов – бусиной его позора. Янкель принужден был всегда носить ее на шее с тех пор, как штетл обязал его к этому специальной прокламацией. Выходи из воды немедленно! Это добром не кончится!

Почтенный торговец фаршированной рыбой Битцл Битцл Р наблюдал за происходящим со своего ялика, который был привязан бечевкой к одной из раскинутых им сетей. Это ты, что ли, Янкель? Что-то стряслось?

Дочери Многоуважаемого Раввина затеяли резвиться в воде, – закричал Янкель с берега. – Боюсь, как бы не случилось беды.

Чего тут только нет! – смеялась Чана, плескаясь промеж вещиц, расцветавших вокруг нее чудесным садом. Она выудила пару кукольных ручек и пару стрелок от настенных часов. Зонтичный оловянный ключ с бородкой. Предметы появлялись из глубины на гребнях воздушных пузырей, которые лопались, едва достигнув поверхности. Чуть более младшая и чуть более безрассудная из двойняшек запускала растопыренные пятерни в воду и каждый раз извлекала что-нибудь новенькое: желтенькую юлу, мутное зеркальце, лепестки утопшей незабудки, давно забившуюся и к тому же треснувшую перечницу, пакетик каких-то семян...

Но ее чуть более старшая и чуть более осторожная сестра Ханна, которая была бы совсем от Чаны неотличима, если бы не сросшиеся брови, стояла на берегу и плакала. Опальный ростовщик Янкель Д обнял ее, прижал к груди и зашептал: Тшш, тшш. А потом прокричал Битцлю Битцлю: Греби что есть мочи к Многоуважаемому Раввину и без него не возвращайся. Да еще захвати Менашу-

лекаря и Исаака-правоведа. Скорее!

Из-за дерева появился сумасшедший сквайр Софьевка Н, под чьим именем штетл впоследствии попадет на карты и в мормонские переписи. Я все видел, все видел, – истерично сказал он. – Я могу засвидетельствовать. Повозка неслась слишком быстро, а дорогу всю развезло – кто спорит, нехорошо опаздывать к себе на свадьбу, но еще хуже опаздывать на свадьбу к той, что могла бы стать твоей женой – и потом она вдруг взяла и сама себя перевернула, а если это и не совсем точно, то скажу так – повозка не сама себя перевернула, а была сама собой перевернута порывом ветра со стороны Киева, или Одессы, или еще откуда, а если и это вызывает сомнения, то я вам скажу, что произошло – и в этом могу поклясться своим именем, незапятнанным, как белая лилия, – ангел с крыльями цвета надгробий слетел с небес, чтобы забрать Трахима с собой, потому что слишком уж хорош был Трахим для этого мира. Ну, конечно, а кто из нас не слишком? Мы все друг для друга слишком хороши.

Трахим? – переспросил Янкель, не мешая Ханне теревить пальчиками бусину позора. – Трахим-сапожник из Луцка? Разве он не умер полгода назад от чахотки?

Гляньте! – крикнула Чана, хихикая, поднимая над головой куннилингусирующего валета из скабрезной колоды карт.

Нет, – сказал Софьевка. – Того звали Трахом, через «о». А этот через «и». Трахом помер в ночь самых длинных ночей. Нет, постойте. Постойте. Он умер, потому что был художник.

А это! – восторженно взвизгнула Чана, поднимая на вытянутой руке поблекшую карту созвездий.

Выходи из воды немедленно! – прокричал ей Янкель, повышая голос больше, чем следовало, будь то дочь Многоуважаемого Раввина или другая девочка. – Ты простудишься!

Чана устремилась к берегу. Усеянная звездами карта растворилась в мутной зеленой воде, медленно поплыла в глубину и, достигнув дна, легла, как вуаль, на лошадиную морду.

Разбуженный шумом, штетл захлопал ставнями – любопытство было единственным качеством, в одинаковой степени присущим всем его жителям. Происшествие случилось неподалеку от каскада небольших водопадов, как раз у той самой черты, что обозначала границу между двух секторов штетла – Еврейским Кварталом и Кварталом На-Три-Четверти Общечеловеческим. Все так называемые священнодействия, как то: занятия религией, забивание кошерных животных, торговые сделки и т. д., – происходили на территории Еврейского Квартала. Действия, так или иначе сопряженные с тщетою повседневной жизни, как то: занятие науками, вершение правосудия, купля-продажа и т. д., – происходили исключительно в Квартале На-Три-Четверти Общечеловеческом. Соединяло кварталы здание Несгибаемой Синагоги. (Возведено оно было с таким расчетом, чтобы священный ларец располагался непосредственно над зыбкой линией Еврейско/Общечеловеческого раскола, что гарантировало каждому сектору обладание одним из двух хранившихся в ларце свитков Торы.) По мере того как соотношение сакрального и мирского менялось – обычно не более, чем на волосок в ту или другую сторону, если не считать одного исключительного часа после Покаянного Погрома 1764 года, когда практически все население сделалось мирским, – менялась и зыбкая линия границы, прочерчиваемая мелом от Радзивельского леса до реки. В соответствии с этим приходилось приподнимать и передвигать здание синагоги. Но уже в 1783 году оно было поставлено на колеса, что позволило корректировать вечно меняющиеся представления штетла о еврейском и общечеловеческом без былой натуги.

Насколько я понимаю, произошло происшествие, – пропыхтел страдавший одышкой Шлоим В, смиренный торговец антиквариатом, живший исключительно на подачки односельчан, ибо со дня безвременной кончины жены был не в силах расстаться ни с одним из своих товаров: будь то канделябры, статуэтки или песочные часы.

Как ты об этом узнал? – спросил Янкель.

Битцл Битцл прокричал мне из лодки по пути к Многоуважаемому Раввину. Я сообщил всем, кому мог, по пути сюда.

Это хорошо, – сказал Янкель. – Нам понадобится прокламация штетла.

Но точно ли он мертв? – спросил кто-то.

Вполне, – заверил Софьевка. – Ничуть не живее, чем был в тот день, когда его родители впервые повстречались друг с другом. Даже, пожалуй, мертвее, потому что тогда он, по крайней мере, был ядрышком в мошонке своего отца, пустотой в чреве своей матери.

Ты не пробовал его спасти? – спросил Янкель.

Нет.

Пусть они не смотрят, – сказал Шлоим Янкелю, указывая на девочек. Он быстро скинул с себя одежду, обнажив изрядных размеров живот и спину, густо поросшую зарослями вьющихся черных волос, и нырнул в воду. Вверх взметнулись мокрые перья, поднятые на гребне произведенной им волны. Жемчуг без ниток, зубы без десен. Сгустки крови, Мерло, треснувший хрусталь люстры. Месиво, вздымавшееся навстречу, становилось все гуще, и вскоре он перестал видеть даже собственные ладони. Где? Где?

Нашел ты его? – спросил правовед Исаак М, когда Шлоим вновь замаячил на поверхности. – И можно ли определить, сколько времени он там пробыл?

Один он был или с женой? – спросила скорбящая Шанда Т, вдова покойного философа Пинхаса Т, который в своей единственной достойной упоминания работе «К Праху: из Человека Ты Вышел – в Человека и Возвратишься» доказывал, что теоретически жизнь и искусство могли бы поменяться местами.

Мощный порыв ветра пронизал штетл насквозь, заставив его присвистнуть. Грамотеи, силившиеся постичь смысл смутных текстов в плохо освещенных комнатах, оторвали от книг головы. Влюбленные, дававшие уроки и обещания, жаждавшие изменений и извинений, разом замолкли. Одинокий красильщик свечей Мордехай К утопил руки в чане с теплым голубым воском.

Была у него жена, – вставил Софьевка, запуская левую руку вглубь переднего кармана брюк. – Хорошо ее помню. Такие роскошные сиськи. Бог ты мой, что за сиськи! Разве их забудешь? Обалденные, видит Бог, сисечки. Я хоть сейчас готов поменять все выученные мной за жизнь слова на возможность вновь сделаться младенцем и еще раз, да, да, да, присосаться к этим титечкам. Да, поменял бы! Поменял!

Откуда ты знаешь такие подробности? – спросил кто-то.

Однажды, когда я был еще совсем мал, отец послал меня в Ровно с поручением. Как раз в дом к этому Трахиму. Фамилия его на языке не задержалась, но отчетливо помню, что Трахим этот – через «и» – был при молодой жене с роскошными сиськами, при небольшой квартирке с кучей безделушек в ней и со шрамом не то от глаза до рта, не то от рта до глаза. Одно из двух.

ТАК ТЫ СУМЕЛ РАЗГЛЯДЕТЬ ЕГО ЛИЦО, ПОКА ОН ПРОНОСИЛСЯ МИМО НА СВОЕЙ ПОВОЗКЕ? – возопил Многоуважаемый Раввин, и двойняшки бросились ему навстречу, чтобы поскорее спрятаться в складках его талеса. – И ДАЖЕ ШРАМ?

А позднее, ай-яй-яй, я вновь столкнулся с ним, уже будучи молодым человеком, прилагавшим себя во Львове. Трахим доставлял персики, насколько я помню, а может быть, и сливы, к домику школьниц через дорогу. А может, он был почтальоном. Так и есть, это были любовные письма.

Теперь-то он уж точно помер, – сказал лекарь Менаша, раскрывая саквояж с медикаментами. Он извлек оттуда несколько бланков свидетельства о смерти, но вновь налетевший ветер вырвал их у него из рук и унес к верхушкам деревьев. Некоторые бланки опадут грядущим сентябрем вместе с листьями. Остальные упадут вместе с деревьями несколько поколений спустя.

Будь он до сих пор жив, его все равно не высвободить, – произнес Шлоим из-за большого камня, за которым укрывался, обсыхая. – Пока все содержимое не всплывет, к повозке не подобраться.

ШТЕТЛ ДОЛЖЕН ПРИНЯТЬ ПРОКЛАМАЦИЮ, – провозгласил Многоуважаемый Раввин тоном, не терпящим возражений.

Так как все-таки записать потерпевшего? – спросил Менаша, сляпывая перо.

Можем ли мы утверждать, что он был женат? – спросила скорбящая Шанда, прижимая руку к сердцу.

Может, девочки что-нибудь видели? – спросил Аврум Р, чеканщик обручальных колец, сам так ни с кем и не обрученный (хотя Многоуважаемый Раввин уверял

его, что знает одну молодую особу в Лодзи, которая могла бы составить ему счастье [навек]).

Ничего девочки не видели, – сказал Софьевка. – Я видел, что они ничего не видели.

На этот раз двойняшки, не сговариваясь, зарыдали дуэтом.

Но не можем же мы полностью полагаться на слова этого, – сказал Шлоим, указывая пальцем на Софьевку, который парировал выпад вполне недвусмысленным жестом.

Девочек ни о чем не спрашивайте, – сказал Янкель. – Они и так уже натерпелись, бедняжки.

К этому моменту практически все триста с небольшим жителей штетла подтянулись к реке, готовые поспорить о том, о чем не имели ни малейшего представления. Чем меньше житель штетла знал, тем яростнее он спорил. Это было в порядке вещей. Месяц назад вопрос стоял о том, удастся ли сформировать у детей более благоприятную картину о мире, если заделать наконец дырку в бублике. Два месяца назад жестокий и комичный спор разгорелся по вопросу о типографском станке, а еще раньше – о самосознании поляков, что кончилось для одних слезами, для других – смехом и для всех вместе – новыми вопросами. Из-за спин этих вопросов выглядывали новые, а за ними еще. Вопросы от начала времен – когда бы оно ни было, – до их конца – когда бы он ни наступил. Из праха? В прах?

БЫТЬ МОЖЕТ, – сказал Многоуважаемый Раввин, вознося руки еще выше, возвышая голос еще громче, – НАМ ВООБЩЕ НЕ СЛЕДУЕТ НИЧЕГО УЛАЖИВАТЬ. ЧТО, ЕСЛИ МЫ ОСТАВИМ СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ НЕЗАПОЛНЕННЫМ? ЧТО, ЕСЛИ МЫ, СОГЛАСНО ОБРЯДУ, ПРЕДАДИМ ТЕЛО ЗЕМЛЕ, СОЖЖЕМ ВСЕ, ЧТО ПРИБЬЮТ К БЕРЕГУ ВОЛНЫ, И ПОЗВОЛИМ ЖИЗНИ ПРОДОЛЖАТЬ СВОЕ ТЕЧЕНИЕ ВОПРЕКИ ЭТОЙ СМЕРТИ?

Но без прокламации не обойтись, – сказала Фройда Й, торговка сладостями.

Обойтись, если штетл примет соответствующую прокламацию, – уточнил Исаак.

Может, все-таки следует сообщить его жене, – сказала скорбящая Шанда.

Может, все-таки следует заняться сбором останков, – сказал дантист Елизар З.

В разгар спора маленькая Ханна высунула голову из-под бахромы отцовского талеса, но ее голосок едва не потонул в общем гуле:

А я что-то вижу.

ЧТО? – спросил ее отец, утихомиривая собравшихся. – ЧТО ТЫ ВИДИШЬ?

Вон там, – указывая пальчиком на взбаламученную воду.

Там, посреди ниток и перьев, в окружении свечей, намокших спичек, пташек, пешек и шелковых кисточек, вздрагивавших, как медузы, колыхалась на волнах новорожденная девочка, все еще блестящая от слизи, все еще нежно-розового цвета – цвета сливовой мякоти.

Двойняшки растворились под талесом отца, точно призраки. Лошадь на дне реки, укутанная в саван затонувшего ночного неба, сомкнула тяжелые веки. Доисторический муравей в янтаре Янкелева кольца, пребывавший там без движения задолго до того, как Ной начал сколачивать свой ковчег, спрятал голову между своих многочисленных лапок, чтобы не сгореть от стыда.

Лотерея, 1791

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ СПУСТЯ Битцл Битцл Р с группой крепких парней из деревни Колки выволок-таки повозку на берег; еще ни разу его сетям не доводилось приносить столько добычи. Однако среди останков тело так и не было обнаружено. На протяжении последующих ста пятидесяти лет штетл будет проводить ежегодное состязание по «поиску» Трахима, хотя приз за победу специальная прокламация упразднит уже в 1793 году по настоянию Менаши, который заявит, что после двух лет в воде всякий труп начинает распадаться на части, а значит, поиск его не только утрачивает смысл, но и чреват препротивными – и еще того хуже – множественными находками, что

невероятно усложнит процедуру выявления победителя, поэтому состязание превратилось скорее в празднество, для которого несколько поколений вспыльчивых пекарей П выпекали особые мучные угощения, а девочки штетла наряжались подобно двойняшкам в тот судьбоносный день: шерстяные брючки с подвязками на концах и холщевые блузки с круглыми воротничками, отороченными голубой бахромой. Мужчины съезжались из дальнего далека, чтобы нырнуть в воду вслед за парусиновыми мешками, которые бросала в Брод Царица Реки. Мешки были набиты землей – все, кроме одного, с золотом.

Находились и те, кто полагал, что Трахима отыскать не удастся, что течение, вечно перемещавшее с места на место песок и гальку, позаботилось о его погребении. Совершая свои ежемесячные кладбищенские обходы, эти люди приносили на берег камушки и говорили что-то типа:

Бедный Трахим. Не довелось мне его хорошенько узнать. А мог бы.

или

Мне тебя не хватает, Трахим. Хоть мы и не встречались.

или

Спи, Трахим, спи. И храни нашу мельницу от напастей.

Находились и те, кто считал, что Трахима не пригвоздило к речному дну одной из двух оглобель повозки, а унесло в открытое море вместе с самым главным его секретом, закупоренным в нем, как любовное послание в бутылке, на которую во время романтической освежающей прогулки суждено наткнуться однажды утром ничего не подозревающим влюбленным. Не исключено, что он или какая-нибудь его часть были выброшены на пляж Черного моря или на берег Рио, а то и добрались до самого Эллис Айленда.

А может, нашла и приютила его какая-нибудь вдова: купила ему удобное кресло, переодевала свитер каждое утро, брила щеки, покуда щетина не перестала расти, укладывала рядом с собой в постель каждый вечер, нашептывала сладкие

глупости в пустоту, что некогда была ухом, смеялась вместе с ним за чашечкой черного кофе, плакала вместе с ним над желтеющими фотографиями, предлагала завести детей в приступе зеленой тоски, скучала по нему перед тем, как самой заболеть, завещала ему все свое состояние, думала только о нем на смертном одре, хоть и знала, что все сама себе нафантазировала, но верила все равно.

Иные утверждали, что тела и вовсе не было. Трахим, мошенник, задумал умереть, не умирая. Он нагрузил повозку скарбом, доехал до неприметного безымянного штетла (который вскоре прославится по всей Восточной Польше своим ежегодным празднеством, Днем Трахима, и станет носить его имя, как сиротка, ибо на карты и в мормонские переписи он попадет под именем Софьевка), в последний раз потрепал по гриве свою безымянную кобылу и пришпорил ее с обрыва в омут. Бежал ли он от долгов? От нежеланной, устроенной по сговору, женитьбы? От вранья, в котором сам запутался? И стала ли эта смерть важной вехой на его жизненном пути?

Конечно, нельзя забывать и тех, кто нажимал на умственную неполноценность Софьевки, на то, как он целыми днями сидит нагишом в фонтане распростертой русалки, оглаживая одной рукой ее чешуйчатый тухес с таким трепетом, будто это не тухес, а головка новорожденного, оглаживая другой рукой свою собственную головку с таким видом, будто нет в мире ничего более естественного, чем кончать в кулак – неважно где и при каких обстоятельствах. Или как однажды его обнаружили на лужайке перед домом Многоуважаемого Раввина, с ног до головы обмотанного белыми нитками, и как он сказал, что завязал узелок на указательном пальце, чтобы не забыть нечто необычайно важное, но потом, боясь забыть про указательный палец, завязал другой узелок на мизинце, затем еще один – от шеи до талии, – но, опасаясь, что и этого будет недостаточно, протянул узелки от уха – через зуб – вокруг мошонки – к пятке, рассчитывая, что таким образом тело станет служить ему напоминанием о теле, но оно почему-то служило напоминанием только об узелках. Заслуживает ли его рассказ доверия?

А младенец? Моя пра-пра-пра-пра-прабабушка? Это еще запутаннее: ведь сравнительно легко найти объяснение тому, как жизнь в реке может оборваться, а вот как она может из нее возродиться?

Гарри В, непревзойденный логик и доморощенный извращенец, потративший столько лет (и с таким ничтожным результатом, что и вообразить трудно) на

сочинение своего программного опуса «Сонм Приподнятых», в котором (как он считал) содержались неопровержимые логические доказательства того, что Бог без разбора любит даже неразборчивого любовника, – выдвинул многословную гипотезу о наличии в обреченной повозке еще одного человека: а именно Трахимовой жены. Допустим, развивал свою гипотезу Гарри, у нее стали отходить воды в тот самый момент, когда чета остановилась подкрепиться крутыми яйцами на лугу между двух штетлей; допустим также, что Трахим погнал лошадь с недопустимой быстротой, торопясь доставить жену к лекарю до того, как младенец, извиваясь, выпрыгнет из материнского чрева, точно трепещущий пескарь из пятерни рыболова. Когда же по все нарастающим волнообразным крикам он понял, что начались схватки, Трахим повернулся к жене, коснулся, предположим, своей мозолистой ладонью ее нежного личика, перестал, предположим, следить за извилистой дорогой и, сам того не заметив, съехал в реку. Допустим, повозка перевернулась, придавив собой пассажиров, но все же в какой-то момент между последним вздохом матери и отчаянной попыткой отца высвободиться и всплыть на поверхность успел родиться ребенок. Все можно допустить. Но даже Гарри не мог найти объяснения тому, куда в таком случае подевалась пуповина.

В Дымках Ардиштов, этом клане мастеровых курильщиков из Ровно (куривших так много, что, даже когда они не курили, изо рта у них валил дым), приговоренных особой прокламацией штетла к существованию на крышах в качестве кровельщиков и трубочистов, – в Дымках Ардиштов свято верили, что моя пра-пра-пра-пра-прабабушка и была реинкарнацией Трахима. В минуту Страшного суда, когда распластанное Трахимово тело уже явлено было пред очи Хранителя величественных стрельчатых Ворот, выяснилось, что произошло недоразумение. Не все дела были доведены до конца. Душа оказалась не готова покинуть тело и была отослана назад, давая новому владельцу шанс исправить ошибки своего ближайшего предка. Смысла в этом, конечно, нет никакого. А где он есть?

Однако Многоуважаемого Раввина значительно больше волновало будущее малютки, нежели прошлое, и он не предложил никакого официального объяснения ее появлению ни штетлу, ни в Книге Былого, а просто взял ее под свою опеку до той поры, покуда не сыщется для нее постоянного пристанища. Он принес ее в здание Несгибаемой Синагоги, ибо когда-то поклялся, что даже ножка новорожденного не ступит в здание Синагоги Падших (где бы на тот момент она ни оказалась), и устроил ей временную колыбель в священном ковчеге, над которым мужчины в длинных черных лапсердаках продолжали истошно вопить молитвы. СВЯТ, СВЯТ, СВЯТ ГОСПОДЬ СИЛ! МИР ПОЛНИТСЯ ЕГО

СЛАВОЙ!

Вопить прихожане Несгибаемой Синагоги принялись двести с лишним лет назад, с тех пор, как Досточтимый Раввин разъяснил им, что на протяжении всей нашей жизни мы постоянно идем ко дну и что молитвы, по сути, являются зовом о помощи, посылаемым из глубины спиритуальных вод. И ЕСЛИ НАШЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СТОЛЬ ОТЧАЯННО, говорил Досточтимый Раввин (начиная каждую фразу с неизменного «и», как будто то, что облакалось им в слова, было логическим продолжением его самых сокровенных раздумий), НЕ НАДЛЕЖИТ ЛИ НАМ И ВЕСТИ СЕБЯ ПОДОБАЮЩЕ? НЕ НАДЛЕЖИТ ЛИ НАМ И ЗВУЧАТЬ, КАК ЛЮДЯМ, ПОПАВШИМ В ОТЧАЯННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ? И они завопили и вопили с тех пор без умолку на протяжении двухсот лет.

Вопили они и сейчас, не давая малышке и минуты покоя, раскачиваясь (в одной руке – молитвенник, в другой – веревка) над колыбелью на блоках, пристегнутых к их поясам, царапая потолок тульями своих черных шляп. И ЕСЛИ МЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИМ ПРИБЛИЗИТЬСЯ К БОГУ, разъяснял Досточтимый Раввин, НЕ НАДЛЕЖИТ ЛИ НАМИ ВЕСТИ СЕБЯ ПОДОБАЮЩЕ? НЕ НАДЛЕЖИТ ЛИ НАМ И В САМОМ ДЕЛЕ ПРИБЛИЗИТЬСЯ? В этом был определенный смысл. А накануне Йом Кипура, святейшего из праздников, в зазор под синагогальной дверью влетела муха и принялась свисающим прихожанам досаждать. Перелетая с лица на лицо, она жужжала, присаживалась на длинные носы, влезала в поросшие волосами уши. И ЕСЛИ НАМ СВЫШЕ НИСПОСЛАНО ИСПЫТАНИЕ, разъяснял Досточтимый Раввин, стараясь не растерять внимания собравшихся, НЕ НАДЛЕЖИТ ЛИ НАМ ПРОЙТИ ЧЕРЕЗ НЕГО С ДОСТОИНСТВОМ? И НАСТОЯТЕЛЬНО ВАС ПРОШУ: НЕ ВЫПУСКАЙТЕ ИЗ РУК ВЕЛИКУЮ КНИГУ, ПОКУДА НЕ РУХНЕТЕ НА ЗЕМЛЮ!

Но до чего же докучлива была муха, щекотавшая самые щекотливые места. И КАК БОГ ПРИЗВАЛ АВРААМА УКАЗАТЬ ИСААКУ НА ОСТРИЕ НОЖА, ТАК И НАС ПРИЗЫВАЕТ ОН ВОЗДЕРЖАТЬСЯ ОТ ПОЧЕСЫВАНИЯ ЗАДОВ! И ЕСЛИ КОМУ НЕВТЕРПЕЖ – ЧЕШИТЕ, НО ТОЛЬКО, ВО ИМЯ ВСЕГО СВЯТОГО, ЛЕВОЙ РУКОЙ! Одна половина поступила именно так, как разъяснял Досточтимый Раввин: выпустила сначала веревку, а потом уже Великую Книгу. Это были предшественники прихожан Несгибаемой Синагоги, чьи потомки на протяжении двухсот последующих лет ходили, утрированно прихрамывая, чтобы напоминать себе (но, что еще важнее – окружающим), как они прошли через Испытание: дескать, Священное Слово возоблаго. (ПРОСТИТЕ, РЕБЕ, О КАКОМ ИМЕННО СЛОВЕ ИДЕТ РЕЧЬ? Досточтимый Раввин шлепает воспитанника обратным концом указки, за мгновение до этого скользившей по строчкам Торы: И ТЫ ЕЩЕ ОСМЕЛИВАЕШЬСЯ

СПРАШИВАТЬ!..) Некоторые Несгибанцы зашли так далеко, что вообще перестали ходить, подчеркивая этим драматизм падения. Это, конечно, лишало их возможности посещать синагогу. НАШИ МОЛИТВЫ – В ОТСУТСТВИИ МОЛИТВЫ, – говорили они. НАША ВЕРНОСТЬ ЗАПОВЕДЯМ – В ИХ НАРУШЕНИИ.

Те, кто предпочел выпустить молитвенник и благодаря этому не упал, стали предшественниками прихожан Синагоги Падших (прозванных так Несгибанцами). Они вечно теребили бахрому, специально пришиваемую к манжетам своих рубах, с тем, чтобы напоминать себе (но, что еще важнее – окружающим), как они прошли через Испытание: дескать, наши веревки всегда при нас, а дух Священного Слова все равно возобладает. (Простите, но хоть один человек знает, о каком Священном Слове мы говорим? Все недоуменно пожимают плечами и возвращаются к прерванному спору о том, как лучше разделить тринадцать ватрушек на сорок три человека.) Именно обычаи Падших претерпели изменения: на смену блокам пришли подушки; на смену молитвенникам на иврите – молитвенники на куда более понятном идише; на смену Раввину – совместно проводимые службы и дискуссии, заканчивавшиеся (но еще чаще прерывавшиеся) застольем, выпивкой и сплетнями. Несгибанцы смотрели на Падших свысока, а те, похоже, готовы были пожертвовать любым еврейским законом в угоду тому, что они расплывчато называли великим и необходимым примирением религии с жизнью. Несгибанцы поносили Падших последними словами и грозили им вечными муками в лучшем из миров за их стремление к комфорту в этом. Но подобно молочнику Шмулю Ш, страдавшему хроническим гайморитом, Падшие на Несгибанцев чихать хотели. Вообще, за исключением тех редких случаев, когда они начинали напирать с противоположных сторон на стены синагоги, стремясь сделать штетл более набожным или более мирским, Несгибанцы и Падшие научились жить, полностью игнорируя друг друга.

Шесть дней подряд жители штетла, как Несгибанцы, так и Падшие, провели в очередях у входа в Несгибаемую Синагогу, чтобы поглядеть на мою прародительницу. Многие приходили по несколько раз. Мужчины могли обследовать малышку вблизи, потрогать ее, поагукать, даже подержать на руках.

Женщин, естественно, внутрь Несгибаемой Синагоги не допускали, ибо, как давным-давно разъяснил Досточтимый Раввин, И КАК ЖЕ УСТРЕМЛЯТЬСЯ НАМ К БОГУ СЕРДЦЕМ И УМОМ, ЕСЛИ ИНОЙ НАШ ОРГАН ТОЛКАЕТ НАС К НИЗМЕННЫМ ПОМЫСЛАМ САМИ ЗНАЕТЕ О ЧЕМ?

Казалось, разумного компромисса удалось достичь в 1763 году, когда женщинам было позволено молиться в сыром и тесном синагогальном подполе под специально устроенным стеклянным полом. Но очень скоро мужчины, болтавшие над этим полом, стали переводить свои взоры со страниц Великой Книги на хоровод вырезов внизу. Черные брюки внезапно сделались тесны; столкновения и раскачивания участились; иные органы вторглись в фантазии сами знаете о чем и теперь грозили прорвать ткань святейшей из молитв: СВЯТ, СВЯТ, СВЯТ ВСЕХ ПОДРЯД ГОСПОДЬ СИЛ! МИР ПОЛНИТСЯ ЕГО СЛАВОЙ!

Досточтимый Раввин разъяснил сие недоразумение в одной из своих многочисленных послеполуденных проповедей. И ДАВАЙТЕ ЖЕ ВСПОМНИМ МУДРЕЙШУЮ ИЗ БИБЛЕЙСКИХ ПРИТЧ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ РАЯ И АДА. И СОЗДАЛ БОГ НА ВТОРОЙ ДЕНЬ – КАК ВСЕ МЫ ЗНАЕМ, А ЕСЛИ НЕ ЗНАЕМ, ТО ДОЛЖНЫ, – ДВЕ ПРОТИВОСТОЯЩИХ ДРУГ ДРУГУ СФЕРЫ: СФЕРУ РАЯ И СФЕРУ АДА, КУДА ВСЕМ НАМ, ВКЛЮЧАЯ И ПАДШИХ – ЧТОБ ИМ ВЕК ОТ ПОТА НЕ ПРОСЫХАТЬ, – РАНО ИЛИ ПОЗДНО СУЖДЕНО ПЕРЕСЕЛИТЬСЯ. И НО НЕ СЛЕДУЕТ ЗАБЫВАТЬ, ЧТО НА СЛЕДУЮЩИЙ, ТРЕТИЙ, ДЕНЬ ВЗГЛЯНУЛ БОГ НА ДЕЛО РУК СВОИХ И УВИДЕЛ, ЧТО РАЙ ВЫШЕЛ У НЕГО НЕ СОВСЕМ ТЕМ РАЕМ, НА КОТОРЫЙ УПОВАЛ ОН В СВОИХ МОЛИТВАХ, ДА И АД ПОЛУЧИЛСЯ НА АД НЕПОХОЖ. И ТОГДА, СОГЛАСНО МЕНЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМ И ТРУДНОПОСТИЖИМЫМ ТЕКСТАМ, ОН, ОТЕЦ ВСЕХ ОTCОВ, ПОДНЯЛ ЗАВЕСУ МРАКА, РАЗДЕЛЯВШУЮ ПРОТИВОСТОЯЩИЕ СФЕРЫ, ДОЗВОЛИВ БЛАЖЕННЫМ И ГРЕШНИКАМ УЗРЕТЬ

ДРУГ ДРУГА ЧЕРЕЗ ОКНО. И, КАК ОН И РАССЧИТЫВАЛ, БЛАЖЕННЫЕ ВОЗРАДОВАЛИСЬ ПРИ ВИДЕ МУК ГРЕШНИКОВ, И РАДОСТЬ ИХ ВОЗРОСЛА ПРЕД ЛИКОМ ПЕЧАЛИ. И ГРЕШНИКИ УВИДЕЛИ БЛАЖЕННЫХ, УВИДЕЛИ РАКОВЫЕ ШЕЙКИ И ПРОШЮТО, УВИДЕЛИ, ЧЕМ НАБИВАЮТСЯ ЗАДНИЦЫ МЕНСТРУИРУЮЩИХ ШИКС, И СОВСЕМ О СЕБЕ ПОЖАЛЕЛИ. И УВИДЕЛ БОГ, ЧТО ТАК ОНО ХОРОШЕЕ. И НО ВСКОРЕ ОКНО СДЕЛАЛОСЬ ЧЕРЕСЧУР БОЛЬШИМ ИСКУШЕНИЕМ. ВМЕСТО ТОГО ЧТОБЫ ВКУШАТЬ ПРЕЛЕСТИ РАЙСКОГО ЦАРСТВА, БЛАЖЕННЫЕ УПИВАЛИСЬ ЗРЕЛИЩЕМ АДСКИХ ЖЕСТОКОСТЕЙ. И ВМЕСТО ТОГО ЧТОБЫ ОТ ЭТИХ ЖЕСТОКОСТЕЙ СТРАДАТЬ, ГРЕШНИКИ ТЕШИЛИ СЕБЯ СОЗЕРЦАНИЕМ РАЙСКИХ БЛАЖЕНСТВ. И СО ВРЕМЕНЕМ ТЕ И ДРУГИЕ ДОСТИГЛИ ПОЛНОГО РАВНОВЕСИЯ, ПРОДОЛЖАЯ ЗАВОРОЖЕННО ГЛЯДЕТЬ ДРУГ НА ДРУГА И НА САМИХ СЕБЯ. И ОКНО ПРЕВРАТИЛОСЬ В ЗЕРКАЛО, ОТ КОТОРОГО НИ БЛАЖЕННЫЕ, НИ ГРЕШНИКИ НЕ В СОСТОЯНИИ БЫЛИ ОТВЕСТИ ВЗОРЫ. И ТОГДА БОГ ВНОВЬ ОПУСТИЛ ЗАВЕСУ, НАВЕКИ ЗАКРЫВ ВРАТА МЕЖДУ ЦАРСТВАМИ, И ТАК ЖЕ И НАМ НАДЛЕЖИТ ПОСТУПИТЬ С НАШИМ ИСКУСИТЕЛЬНЫМ ОКНОМ: ЗАДЕРНУТЬ ЗАВЕСУ МЕЖДУ ЦАРСТВАМИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН.

Подпол затопили отстойными водами реки Брод, а в торцовой стене синагоги продолбили отверстие размером с яйцо, через которое женщины, одна за другой, могли лицезреть священный ковчег и болтающиеся над ним мужские пятки, нередко изгвазданные в дерьме, хотя и без дерьма оскорблений было предостаточно.

Через это отверстие женщины штетла и рассматривали поочередно мою пра-пра-пра-пра-прабабушку. Озадаченные удивительно взрослыми чертами чада (верный знак дьявольских происков), многие из них пребывали в убеждении, что она не чадо, а исчадьё. Но всего вероятнее, что на эти мысли навело их отверстие. На таком расстоянии и в такой неудобной позе (ладони вдавлены в стену, глаз внутри полого яйца) у них не было возможности удовлетворить ни один из своих материнских инстинктов. К тому же отверстие было слишком мало, чтобы вместить малышку целиком, поэтому им приходилось мысленно собирать ее в целое из разрозненных мозаичных фрагментов: вот пальчики, переходящие в ладошку, переходящую в запястье, переходящее в предплечье, воткнутое в плечевой сустав... Они возненавидели ее недостижимость, непостижимость, всю ее целиком.

На седьмой день Многоуважаемый Раввин заплатил четыре куриных ляжки и горсть синих камушков кошачьего глаза за то, чтобы в еженедельном информационном листке Шимона Т увидело свет следующее объявление: что по доселе не выясненной причине в штетл был подброшен младенец, что он вполне очарователен, воспитан и даже не воняет и что, заботясь о благе младенца, равно как и своем собственном, Многоуважаемый Раввин решительно намерен отдать его любому добропорядочному мужчине, готовому назвать его своей дочерью.

На следующее утро он обнаружил пятьдесят две записочки, распушенные, как петушиные перья, под входной дверью Несгибаемой Синагоги.

От изготовителя всяческих безделушек из медной проволоки Пешеля С, овдовевшего всего через два месяца после свадьбы, в день Погрома Порванных Одежд: Если не ради девочки, то ради меня. Человек я добропорядочный и кое-чего заслуживаю.

От одинокого красильщика свечей Мордехая К, чьи руки обтягивали несмываемые восковые перчатки: Весь день я один-одинешенек у себя в мастерской. Не останется после меня свечных красильщиков. Не знаю, складно

ли я выражаюсь.

От безработного Падшего Лампла В, который расслаблялся на Пасху не потому, что того требовал обычай, а потому что с какой стати эта ночь должна отличаться от всех других? От совершенства я, конечно, далек, но отцом буду отличным, и вы это знаете.

От покойного философа Пинхаса Т, которого стукнуло по голове обвалившимся на мельнице брусом: Верни ее в реку, отпусти ее ко мне.

В маленьких, больших и даже неохватных вопросах еврейской веры Многоуважаемому Раввину не было равных: когда дело касалось религии, он разрешал казавшиеся неразрешимыми проблемы путем обращения к самым туманным, не поддающимся расшифровке текстам; но о самой жизни он мало что знал, и поэтому – равно как и потому, что в древних книгах ничего не говорилось о младенце, и еще потому, что не у кого было спросить совета (да и на что это будет похоже, если он, источник всевозможных советов, сам отправится за советом?), потому что младенец попал к нему из жизни, был жизнью, он совершенно не знал, как ему поступить. ВСЕ ОНИ ЛЮДИ ПРИЛИЧНЫЕ, – размышлял он. ЗВЕЗД С НЕБА, МОЖЕТ, И НЕ ХВАТАЮТ, НО ВПОЛНЕ СЕРДОБОЛЬНЫЕ. КТО НЕ ЗАСЛУЖИВАЕТ ЕЕ МЕНЬШЕ ОСТАЛЬНЫХ?

ЛУЧШЕЕ РЕШЕНИЕ – НИЧЕГО НЕ РЕШАТЬ, решил он и высыпал записки к ней в колыбель, дав зарок отдать мою пра-пра-пра-пра-пра-бабушку (а значит, в известной степени, и меня) автору той, которой она первой коснется. Но она не коснулась ни одной. Она и глазом в их сторону не повела. Она два дня пролежала не шелохнувшись, ни разу не заплакав, не разомкнув губ даже для еды. Мужчины в черных шляпах продолжали вопить молитвы со своих блоков (СВЯТ, СВЯТ, СВЯТ...), продолжали раскачиваться над перемещенной Брод, продолжали сжимать Великую Книгу крепче веревок, вознося молитвы о том, чтобы кто-нибудь внял их молитвам, пока однажды, посреди ранней вечерней службы, достопочтимый торговец фаршированной рыбой Битцл Битцл Р не возопил о том, о чем все уже давно только и думали: РАЗВЕ МОЖНО ПРИБЛИЗИТЬСЯ К БОГУ, НАХОДЯСЬ В ТАКОЙ БЛИЗОСТИ К ГОВНУ!

Многоуважаемый Раввин не нашелся, что возразить и приостановил молитвы. Он опустил на застекленный пол и приоткрыл священный ковчег. Чудовищное зловоние вырвалось оттуда – всепроникающий, тошнотворный, нечеловеческий смрад, венец омерзения. Он вытек из священного ковчега, заполнил собой

синагогу, разлился по всем улицам и закоулкам штетла, проник под каждую подушку в каждой спальне (просочившись на вдохе в ноздри спящих и до выдоха успев пораспугать их сладкие сны) и стек, в конце концов, в Брод.

Младенец по-прежнему молчал и не шевелился. Многоуважаемый Раввин поставил колыбель на пол, извлек из нее единственную пропитанную дерьмом записку и возгласил: ПОХОЖЕ, ДЕВОЧКА ВЫБРАЛА СЕБЕ В ОТЦЫ ЯНКЕЛЯ!

Мы оказались в хороших руках.

20 июля 1997

Дорогой Джонатан,

Уповаю написать это письмо хорошо. Как ты знаешь, я с английским непервосортен. По-русски идеи выражаются мной абnormally хорошо, но второй мой язык не такой высшей пробы. Я навставлял вещей, как ты меня проконсультировал, и истерзал тезаурус, который ты мне презентовал, как ты меня проконсультировал, когда мои слова выглядели слишком миниатюрно или неподобающе. Если тебя не радует исполненное мной, приказываю отправить его обратно. Я буду горбатить над ним с упорством, пока ты не будешь умиротворен.

Я окружил конвертом запрошенные тобой вещи, не утая открыток с видами Луцка, гроссбуха переписи населения шести деревень до перед войной и фотографий, которые ты оставил мне на хранение из осторожных целей. Это было очень-очень-очень правильно, скажешь нет? Я должен съесть кусок пирога позора за то, что случилось с тобой в поезде. Я знаю, какой знаменательной была для тебя, для нас обоих, эта коробка, и знаю, что ее содержимое не заменить. Воровство – постыдная вещь, но вещь, которая то и дело случается с людьми в украинских поездах. Поскольку имя укравшего коробку охранника не налипло на пальцы, добиться ее возвращения будет невозможно, и тебе следует признать, что она потеряна навсегда. Только, пожалуйста, не допусти, чтобы твои впечатления от Украины повредили твоему представлению об Украине, которое пускай остается как о суперклевой бывшей советской республике.

Пользуюсь случаем, чтобы изречь тебе мою благодарность за твое долготерпение и стоицизм в отношении меня во время нашего путешествия. Возможно, ты подсчитывал на переводчика с большими способностями, а я знаю, что сработал посредственно. Мне следует съесть кусок пирога позора за то, что мы не нашли Августину, но ведь ты ухватываешь, как это было емкотрудно. Возможно, будь в нашем распоряжении больше дней, мы смогли бы ее обнаружить. Мы бы расследовали все шесть деревень и допросили много жителей. Мы бы сдвинули с мест все камни. Но мы уже столько раз все это изрекали.

Спасибо за репродукцию фотографии Августины с семьей. Я бесконечно раздумывал про то, что ты сказал, как в нее влюбляешься. По правде, я в это недопроник, когда ты изрек это в Украине. Но я уверен, что теперь допроник. Я экзаменую ее один раз, когда утро, и один раз перед тем, как отправляюсь производить храпунчики, и в каждом случае открываю что-нибудь новое: как ее волос отбрасывает тени или как ее губы суммируют углы.

Я до того счастлив, что ты остался умиротворен первым разделом, который я тебе отпочтовал. Ты должен знать, что я исполнил исправления, которые ты затребовал. Я приношу извинения за последнюю строчку про то, как ты очень избалованный еврей. Она изменена и теперь гласит: «Мне не хочется десять часов рулить в какой-то уродливый город, чтобы присматривать за каким-то избалованным евреем». Я растянул первую часть о себе и выбросил слово «негры», как ты распорядился, хотя я, правда, к ним очень привязан. Мне радостно, что ты усладился предложением «Когда-нибудь и ты станешь делать для меня вещи, которые ненавидишь. Это потому, что мы семья». Однако должен осведомиться: что такое трюизм?

Я обмозговал твои слова о том, чтобы сделать часть о моей бабушке более растянутой. Поскольку ты прочувствовал это с такой силой тяжести, я решил, что будет о'кей включить те части, которые ты мне отпочтовал. Не могу сказать, что я высидел эти вещи, но могу сказать, что вождедел бы быть человеком, способным к высиживанию подобных вещей. Они очень красивые, Джонатан, и я почувствовал в них правду.

И спасибо, не могу не изречь, за то, что не упомянул неистину о том, какой я высокий. Я подумал, что это было бы превосходнее, если бы я был высоким.

Я усилился исполнить следующий раздел, как ты распорядился, заостряясь вниманием на всем, чему ты меня научил. Я также предпринял попытку быть неочевидным или чересчур утонченным, как ты мне продемонстрировал. В относительности валюты, которую ты приложил, должен тебя проинформировать, что я продолжу писать даже в ее отсутствие. Для меня громадная честь – писать для писателя, особенно когда писатель американский, как Эрнст Хемингуэй или ты.

И упоминая твоё сочинение: «Сотворение Мира Наступает Часто» было очень возвышенным началом. Некоторые части остались для меня непонятными, но я полагаю это потому, что они очень еврейские, и только еврейский человек способен понять что-то настолько еврейское. Вы потому считаете себя народом-избранником, что никто, кроме вас, не понимает шуток, которые вы про себя запускаете? По этому разделу у меня есть один небольшой вопрос, а именно: знаешь ли ты, что многие имена, которыми ты пользуешься, для Украины неверны? Имя Янкель я слышал, и Ханна тоже, но остальные очень странные. Ты их изобрел? Должен тебя проинформировать, что подобных накладок было много. Это потому, что ты юмористический писатель или потому, что неосведомленный?

Никаких дополнительных ярких замечаний у меня нет, потому что мне необходимо обладать продолжением романа, чтобы быть ярким. Для настоящего времени, уведомляю тебя, что я в восхищении. Хочу известить, что даже после того, как ты презентуешь мне продолжение, я могу не изречь ничего глубокомысленного, но, несмотря на это, возможно, не буду совсем бесполезным. Возможно, если я сочту, что какие-то вещи звучат полуумно, я смогу тебе об этом сообщить, и ты сделаешь их полностью умными. После всего, о чем ты меня проинформировал, я уверен, что с удовольствием прочту останки и буду думать о тебе возвышеннее, если это вообще возможно. А, да, что такое куннилингус?

А теперь к небольшому личному делу. (Ты можешь пропустить эту часть, если она делает тебя скучным человеком. Я это пойму, хотя лучше меня об этом не информировать.) Дедушке нездоровится. Он окончательно изменил свое место жительства на наше. Он отходит на покой в постели Игорька вместе с Сэмми Дэвис Наимладшей, а Игорек отходит на покой на софе. Игорька это не нервирует, потому что он очень хороший мальчик и понимает намного больше, чем все мы думаем. У меня есть мнение, что Дедушка нездоров от меланхолии и что он слепой от меланхолии, хотя слепой он, конечно, не по-настоящему. Его

меланхолия значительно усилилась после нашего возвращения из Луцка. Как ты знаешь, он был очень придавлен из-за Августины, даже больше, чем мы с тобой. Не говорить про Дедушкину меланхолию с Отцом все емкотруднее, потому что мы оба не раз заставляли его в слезах. Прошлой ночью мы сидели насестом за столом в кухне. Мы ели черный хлеб и беседовались об атлетике. Сверху до нас доносился звук. Комната Игорька как раз над нами. Я был уверен, что мы слышим плач Дедушки, и Отец тоже был в этом уверен. Еще мы слышали тихую чечетку по потолку. (Когда все в норме, чечетка отличная, как у Днепропетровских Морячков, которые напрочь глухие, но эта чечетка меня не возбуждала.) Мы изо всех сил старались ее не замечать. Звук выдвинул Игорька из его покоя, и он пришел на кухню. «Привет, Неуклюжина», – сказал Отец, потому что Игорек снова пал и снова осинил себе глаз, на этот раз левый. «Я бы тоже хотел поесть черный хлеб», – сказал Игорек, не глядя на Отца. Хоть ему всего тринадцать, почти четырнадцать, он очень сообразительный. (Ты единственный человек, для которого я это отметил. Пожалуйста, ни для кого больше это не отмечай.)

Надеюсь, у тебя все хорошо и у тебя в семье все здоровы и процветают. Мы стали совсем как друзья, пока ты был в Украине, да? В другом мире мы могли бы быть настоящими друзьями. Я буду с нетерпением ждать твоего следующего письма и с нетерпением ждать следующего раздела романа. Я чувствую, что обвязан необходимостью снова съесть кусок пирога позора (у меня в животе скоро не останется места) за новый раздел, которым тебя одаряю, но пойми, что я старался наилучшайше и сделал лучшее из того, что мог, что было лучшим из того, что я мог бы сделать. Мне это так емкотрудно. Пожалуйста, будь правдив, но также, пожалуйста, будь великодушен, пожалуйста.

Бесхитростно,

Александр

Увертюра к встрече с героем и потом встреча с героем

КАК Я ПРЕДВКУШАЛ, мои подружки очень огорчились, что я не окажусь с ними для празднования первого дня рождения новой конституции. «Ночь Напролет, –

сказала мне одна из подружек, – как мне предполагается удовлетворять себя в твоей пустоте?» Я имел понятие. «Бэби, – сказала мне другая из подружек, – это нехорошо». Я им всем сообщил: «Если возможно, я был бы здесь, только с тобой, навеки. Но я мужчина горбатый и должен идти, куда велит долг. Нам необходима валюта для знаменитых ночных клубов, да? Это ради тебя я совершаю вещи, которые ненавижу. Вот что значит любить. Поэтому не нервируй меня». Но для правдивости, я ни на малейшую долю не печалился отправляться в Луцк, чтобы переводить для Джонатана Сафрана Фоера. Как я упомянул раньше, у меня обыкновенная жизнь. Но я никогда не был в Луцке или какой-либо из многообразных миниатюрных деревень, которые сохранились после войны. Я жаждал увидеть новые вещи. Я жаждал объемистых переживаний. И я знал, что буду наэлектричен встречей с американцем.

«Тебе надо взять с собой еду для дороги, Шапка», – сказал мне Отец. «Не обзывай меня этим», – сказал я. «А также питье и дорожные карты, – сказал он. – До Львова, где на вокзале вы подберете еврея, ехать возле десяти часов». – «Сколько валюты я получу за свои труды?» – осведомился я,

потому что этот запрос давил на меня с избыточной силой тяжести. «Меньше, чем ты думаешь, что заслуживаешь, – сказал он, – и больше, чем ты заслуживаешь». Это меня очень занервировало, и я сообщил Отцу: «Тогда я, может, не хочу этим заниматься». – «Плевать я хотел на твои желания», – сказал он и удлился положить свою руку мне на плечо. У меня в семье Отец – чемпион мира по прекращению собеседований.

Было согласовано, что мы с Дедушкой выдвинемся в путь в полночь 1 июля. Это презентует нам пятнадцать часов. Было согласовано – всеми, кроме нас с Дедушкой, – что нам следует путешествовать на львовский вокзал сразу по вступлении в город Львов. Было согласовано – одним Отцом, что Дедушка должен терпеливо околачиваться в автомобиле, пока я буду околачиваться на железнодорожных путях в ожидании поезда героя. Я не знал, какой будет его наружность, и он не знал, как высок и аристократичен буду я. Это было тем, из чего после мы сделали много находчивых замечаний. Он сказал, что он очень волновался. Он сказал, что наложил в штаны кирпичей. Я сказал ему, что тоже наложил в штаны кирпичей, но, если хотите знать, почему, то не потому, что мог бы его не узнать. Американец в Украине плево узнавателен. Я наложил в штаны кирпичей, потому что он был американец, и я жаждал показать ему, что тоже мог бы быть американцем.

Я абнормально много раздумывал насчет видоизменения места жительства на Америку, когда я буду более старее. У них есть много бухгалтерских школ высшего качества, я знаю. Я это знаю, потому что один мой друг, Грегори, который общителен с другом племянника человека, который изобрел позицию шестьдесят девять, сообщил мне, что у них в Америке есть много бухгалтерских школ высшего качества, а он все знает. Мои друзья умиротворены оставаться в Одессе до конца своих дней. Они умиротворены состариться, как их родители, и стать родителями, как их родители. Их желания никогда не больше того, что они уже знают. О'кей, но только это не для меня, и для Игорька так тоже не будет.

За несколько дней до того, как должен был приехать герой, я осведомился у Отца, можно ли мне будет выдвинуться в Америку, когда я буду принужден окончить университет. «Нет», – сказал он. «Но мне хочется», – проинформировал его я. «Плевать я хотел на твои желания», – сказал он, и это обычно значит конец собеседованию, но не на этот раз. «Почему?» – спросил я. «Потому что твои желания мне неважны, Шапка». – «Нет, – сказал я, – почему мне нельзя выдвинуться в путь в Америку после университета?» – «Если ты хочешь знать, почему тебе нельзя выдвинуться в путь в Америку, – сказал он, делая холодильник открытым и расследуя в нем на предмет еды, – то это потому, что Прадед у тебя был из Одессы, и Дед был из Одессы, и Отец – я – был из Одессы, и твои сыновья из Одессы будут. Еще ты будешь горбатить в Турах Наследия, когда отуниверситетишь. Это обязательное трудоустройство, достаточно высокой пробы для Дедушки, достаточно высокой пробы для меня и достаточно высокой пробы для тебя». – «Но что если это не то, что я жажду? – сказал я. – Что если я не хочу горбатить в Турах Наследия, но взамен хочу горбатить там, где смогу делать необыкновенное и зарабатывать много валюты взамен миниатюрного количества? Что если я не хочу, чтобы мои сыновья росли здесь, но чтобы взамен они росли в месте высшего качества, с вещами высшего качества и с добавочными вещами? Что если у меня будут дочери?» Отец удалил из холодильника три куса льда, закрыл холодильник и звезданул меня. «Приложи их к лицу, – сказал он, давая мне лед, – чтобы не выглядеть ужасно и не сфабриковать катастрофу во Львове». Это был конец собеседования. Мне следовало быть сообразительнее.

И я все еще не упомянул, что Дедушка потребовал взять с собой Сэмми Дэвис Наимладшую. Это была еще одна вещь. «Не валяй дурака», – проинформировал его Отец. «Я нуждаюсь в ней, чтобы видеть дорогу, – сказал Дедушка, указывая пальцем на свои глаза. – Я слепой». – «Ты не слепой, и суку с собой не берешь». – «Слепой, и сука едет с нами». – «Нет, – сказал Отец. – Ехать с сукой непрофессионально». Я бы мог изречь что-нибудь на стороне Дедушки, но не

хотел снова пожалеть о своей глупости. «Значит так: либо я еду с сукой, либо не еду вообще». Дедушка поставил Отца в позу. Не Латышской Раскорякой, но как промеж молота и места, на котором куют, что, по правде, немного похоже на Латышскую Раскоряку. Промеж них был огонь. Мне доводилось видеть это и раньше, и ничто в мире не пугало меня сильнее. Наконец Отец уступил, хотя и с условием, что Сэмми Дэвис Наимладшая будет облачена в специальную рубашку, которую Отец для нее сфабрикует, с надписью: СУКА К УСЛУГАМ ТУРОВ НАСЛЕДИЯ. Это чтобы она выглядела профессионально. Несмотря на то, что с нами в автомобиле была ненормальная сука, которая взяла за склонность бросаться телом об окна, ехать было трудно еще и потому, что автомобиль у нас говно и не может путешествовать быстрее, чем я бегаю, а это шестьдесят километров за один час. Нас обгоняли много автомобилей, отчего я чувствовал себя второсортным, особенно когда автомобили были нагружены семьями и когда они были велосипеды. В протяженность езды мы с Дедушкой не изрекали слов, что не является абнормальностью, потому что раньше мы тоже никогда не отличались словоизрекательностью. Я усиливался не нервировать его, но все равно нервировал. Для одного примера, я забыл свериться с картой, и мы пропустили наш въезд на супервей. «Пожалуйста, не звездани меня, – сказал я, – но я допустил миниатюрный карточный просчет». Дедушка лягнул педаль тормоза, и мой лоб чокнулся со лбом стекла. Бо?льшую часть минуты он ничего не говорил. «Я тебя просил вести этот автомобиль?» – спросил он. «У меня нет прав, чтобы вести этот автомобиль», – сказал я. (Держи это как секрет, Джонатан.) «Я тебя просил приготовить мне завтрак, пока ты посидишь там насестом?» – спросил Дедушка. «Нет», – сказал я. «Я тебя просил изобретать новую разновидность колеса?» – спросил он. «Нет, – сказал я. – Я бы в этом не преуспел». – «Сколько вещей я просил тебя сделать?» – спросил он. «Только одну», – сказал я, и я знал, что он писает яростью, писает повсюду, и что он будет орать на меня некоторую длительность времени, возможно, даже сотворит надо мной насилие, я другого не заслужил, это не новость. Но он этого не сделал. (К твоему сведению, Джонатан, он никогда не творил насилия ни надо мной, ни над Игорьком.) Если хотите знать, что он сделал, то он сделал разворот машины вокруг, и мы поехали назад, к тому месту, где я сформировал просчет. Двадцать минут это заняло. Когда мы прибыли на место, я проинформировал его, что мы прибыли. «Ты самоуверен?» – спросил он. Я сообщил ему, что я самоуверен. Он сдвинул автомобиль на обочину. «Мы остановимся здесь и поедем завтрак», – сказал он. «Здесь?» – спросил я, потому что это было невпечатляющее место, с несколькими метрами грязи промеж дорогой и бетонной стеной, которая отделяла дорогу от сельскохозяйственных угодий. «Я думаю, это место высокой пробы», – сказал Дедушка, и я знал, что не противоречить ему было элементарной вежливостью. Мы уселись насестом на

траву и стали есть, в то время как Сэмми Дэвис Наимладшая предприняла попытку слизать с супервея желтые полосы. «Если еще раз напутаешь, – сказал Дедушка, жуя колбасу, – я остановлю машину, и ты выйдешь из нее с ногой в жопе. Это будет моя нога. Это будет твоя жопа. Понятна тебе эта вещь?»

Мы прибыли в Львов всего за одиннадцать часов, но все-таки сразу пропутешествовали к вокзалу, как распорядился Отец. Найти его было емкотрудно, и мы много раз становились потерянными людьми. Это дало Дедушке ярость. «Ненавижу Львов!» – сказал он. Мы пребывали там десять минут. Львов большой и впечатляющий, но не как Одесса. Одесса очень красивая, с множеством знаменитых пляжей, на которых девочки лежат на спинах и экспонируют свои первосортные груди. Львов – это город вроде Нью-Йорка в Америке. По правде, Нью-Йорк был спроектирован по модели Львова. В нем есть очень высокие строения (целых шесть уровней), всесторонние улицы (вместимостью в целых три машины) и много мобильных телефонов. В Львове много статуй и много мест, на которых раньше располагались статуи. Я никогда не освидетельствовал места, оформленного таким количеством бетона. Все было бетон, всюду, и я вам скажу, что даже небо, бывшее серым, выглядело забетонированным. Это именно то, о чем мы с героем заговорим позже, когда испытаем отсутствие слов. «Ты помнишь весь этот бетон во Львове?» – спросил он. «Да», – сказал я. «Я тоже». В истории Украины Львов очень важный город. Если хотите знать почему, то я не знаю, почему, но я уверен, что мой друг Грегори знает.

Львов не так впечатляющ изнутри вокзала. Там я околачивался больше четырех часов, поджидая героя. Вообще-то все пять, потому что поезд у него был с промедлением. Меня нервировало, что приходится околачиваться на вокзале без дела и даже без плеера, но меня радовало, что не приходится быть в автомобиле с Дедушкой, который наверняка сделался ненормальным от ожидания, и с Сэмми Дэвис Наимладшей, которая всегда ненормальная. Станция не была обыкновенная, потому что с потолка свисали синие и желтые бумажки. Они свисали оттуда в честь первого дня рождения новой конституции. Это не преисполнило меня гордостью, но я был умиротворен, что герой лицезреет их, выгружаясь из пражского поезда. Он приобретет отличное представление о нашей стране. Возможно, он подумает, что желтые и синие бумажки свисают специально для него, потому что я знаю, что это еврейские цвета.

Когда поезд его наконец прибыл, обе мои ноги были несгибаемыми от пребывания вертикальным человеком такую длительность. Я бы, может, и

присел насестом, но пол был очень грязный, а я был в бесподобных синих джинсах, надетых, чтобы обескорезить героя. От Отца я знал, из какого вагона он выгрузится, и, когда поезд прибыл, попробовал до него дойти, но с двумя нестигаемыми ногами это было очень трудно. Я держал табличку с его именем перед собой, и много раз припадал на ноги, заглядывая в глаза встречным.

Когда мы обнаружили друг друга, я был очень фраппирован его наружностью. «Это американец?» – подумал я. И еще: это еврей? Он был беспощадно низкого роста. Он был в очках и с уменьшительным волосом, который нигде не был расщеплен, а располагался у него на голове, как шапка. (Если бы я был, как Отец, я мог бы даже обозвать его Шапкой.) Он не выглядел ни как американцы, которых мне доводилось освидетельствовать в журналах, с желтым волосом и мускулами, ни как евреи из исторических книг, без волос и костистые. На нем не было синих джинс или униформы. По правде, он вообще не отличался особенностями. Я был недоошеломлен по максимуму.

Он, должно быть, засвидетельствовал мою табличку, потому что звезданул меня по плечу и сказал: «Алекс?». Я сказал йес. «Ты мой переводчик, правильно?» Я попросил его быть медленным, потому что быстро я не понимал. По правде, в штанах у меня была целая кирпичная фабрика. Я предпринял попытку уравновеситься. «Урок номер один. Привет. Как поживаете?» – «Что?» – «Урок номер два. О'кей. Сегодня чудесная погода, не правда ли?» – «Ты мой переводчик, – сказал он, фабрикуя жесты. – Йес?» – «Йес, – сказал я, презентуя ему свою руку. – Александр Перчов. Ваш смиренный переводчик». – «Было бы нелюбезно сразу тебе накостылять», – сказал он. «Что?» – сказал я. «Я сказал, – сказал он, – было бы нелюбезно сразу тебе накостылять». – «О, да, – засмеялся я, – и тебе тоже было бы нелюбезно накостылять. Умоляю простить язык моего английского. Я с ним не высшей пробы». —

«Джонатан Сафран Фоер», – сказал он, презентуя мне свою руку. «Что?» – «Меня зовут Джонатан Сафран Фоер». – «Жон-фан?» – «Сафран Фоер». – «Меня зовут Алекс», – сказал я. «Я знаю», – сказал он. «Тебе кто-нибудь двинул?» – осведомился он, засвидетельствовав мой правый глаз. «Это Отец был очень любезен мне накостылять», – сказал я. Я взял у него чемоданы, и мы выдвинулись в направлении автомобиля.

«Твоя поездка была умиротворительной?» – спросил я. «Еще бы, – сказал он, – двадцать шесть часов, факинг анбиливибл». Я решил, что эта девушка, Анн Биливибл, была очень величественная. «Хр-р-р-рапунчики?» – спросил я. «Что?» –

«Ты производил храпунчики?» – «Я не понимаю». – «Находить покой». – «Что?» – «Ты нашел покой?» – «А-а. Нет, – сказал он. – Ни минуты покоя». – «Что?» – «Ни. Минуты. Покоя». – «А охранники на границе?» – «Ерунда, – сказал он. – Я о них столько слышал, знаешь, что придут, прицепятся. Но они вошли, проверили паспорт и больше меня не беспокоили». – «Что?» – «Я слышал, что могут быть проблемы, но проблем не было». – «Ты что-то раньше о них слышал?» – «О да, я слышал, что они жопы с факинг-дырками». Жопы с факинг-дырками! Я зарубил это у себя на лобном месте.

По правде, меня фраппировало, что у героя не было каких-либо правовых тяжб и трений с охранниками на границе. У них есть сомнительная привычка брать вещи без спроса у людей в поезде. Однажды Отец ехал в Прагу горбатить для Туров Наследия, и, пока он был на покое, охранники удалили из его чемодана много вещей высшей пробы, что ужасно, потому что много вещей высшей пробы у него нет. (Так странно думать, что Отца тоже кто-то может обидеть. Мне привычнее видеть его в роли обидчика.) Я был также проинформирован рассказами путешественников, которым пришлось презентовать охранникам валюту в обмен на свои документы. Для американцев это либо очень хорошо, либо очень плохо. Это очень хорошо, если охранник любит Америку и нагоняет ужас только затем, чтобы показать себя охранником высшей пробы. Этот тип охранника думает, что когда-нибудь они столкнутся с американцем в Америке, и что американец пригласит его на матч Чикаго Булз, и купит ему синие джинсы, и белый хлеб, и нежную туалетную бумагу. Этот охранник мечтает заговорить по-английски без акцента и обзавестись женой с неуступчивой грудью. Этот охранник готов признать, что не любит там, где живет.

Другой тип охранника тоже любит Америку, но ненавидит американца за то, что он американец. Это очень плохо. Такой охранник знает, что он никогда не поедет в Америку, и знает, что больше они никогда не встретятся с этим американцем. Он обворует американца и наведет ужас на американца, чтобы только показать ему, что он может. Это его единственный шанс сделать Украину больше Америки и сделать себя больше американца. Мне об этом сообщил Отец, и я уверен, что он уверен, что это верно.

Когда мы прибыли к автомобилю, Дедушка околачивался в нем с терпением, как распорядился Отец. Он был очень терпелив. Он храпел. Он храпел так объемисто, что мы с героем слышали его даже сквозь поднятые стекла, но приняли это за звук мотора. «Это наш водитель, – сказал я. – Он эксперт по вождению». Я обзрел огорчение в улыбке нашего героя. Это было во второй

раз. Прошло четыре минуты. «С ним все о'кей?» – спросил герой. «Что? – сказал я. – Я не достигаю понимания. Говори более медленнее, пожалуйста». Я мог показаться герою некомпетентным. «Здо...ров...ли...во...ди...тель?» – «С несомненностью, – сказал я. – Но должен сообщить, что водитель мне очень знаком. Он мой дедушка». В этот момент Сэмми Дэвис Наимладшая сделала себя очевидной, потому что она подпрыгнула с заднего сиденья наверх и объемисто залаяла. «Господи Иисусе», – с ужасом сказал герой и сдвинулся в удаление от автомобиля. «Не огорчайся, – проинформировал его я, в то время как Сэмми Дэвис Наимладшая звезданулась головой о стекло. – Это всего лишь сука-поводырь нашего водителя». Я указал пальцем на рубашку, в которую ее облачили, но она сжевала ее значительность, так что теперь она гласила: «СУКА К УСЛУГАМ». «Она ненормальная, – сказал я. – Но такая игрунья».

«Дедушка, – сказал я, двигая его руку, чтобы он пробудился. – Дедушка, он здесь». Дедушка развернул голову оттуда сюда. «Он всегда на покое», – сообщил я герою, надеясь, что это уменьшит его огорчение. «Это, должно быть, идет в руки», – сказал герой. «Что?» – спросил я. «Я сказал: это, должно быть, идет в руки». – «Что это значит, идти в руки?» – «Быть полезным. Приходиться кстати. И все же как насчет собаки?» Этой американской идиомой я теперь очень часто пользуюсь. Одной подружке в знаменитом ночном клубе я сообщил: «Мои глаза идут в руки, когда я обзираю твою несравненную грудь». Я ощутил, что она ощутила, что я человек высшей пробы. Позднее мы предались страстным плотским утехам, и она нюхала свои колени, а также мои.

Я сумел выдвинуть Дедушку из его покоя. Если хотите знать как, то я защелкнул ему нос своими пальцами, чтобы он перестал дышать. Он не знал, где он. «Анна?» – спросил он. Так звали мою бабушку, которая умерла тому уже два года. «Нет, Дедушка, – сказал я. – Это я. Саша». Он загорелся от стыда. Я это ощутил, потому что он отвернул от меня лицо. «Я завладел Жон-фаном», – сказал я. «Э-э, вообще-то я Джонатан», – сказал герой, наблюдавший за Сэмми Дэвис Наимладшей, которая вылизывала стекла. «Я им завладел. Его поезд прибыл». – «О», – сказал Дедушка, и я ощутил, что он все еще отшвартовывается от сновидения. «Нам пора выдвигаться к Луцку, – предложил я. – Как Отец распорядился». – «Что?» – осведомился герой. «Я сообщил ему, что нам пора выдвигаться к Луцку». – «Да, Луцк. Мне сказали, что туда-то мы и направимся. А уже оттуда в Трахимброд». – «Что?» – осведомился я. «Луцк, потом Трахимброд». – «Правильно», – сказал я.

Дедушка положил руки на руль. Некоторую протяженность времени он смотрел перед собой. Он дышал очень большим дыханием, и его руки дрожали. «Да?» – осведомился я у него. «Заткнись», – проинформировал он меня. «Где будет находиться собака?» – осведомился герой. «Что?» – «Где...будет... находиться...собака?» – «Я не понимаю». – «Я боюсь собак, – сказал он. – У меня с ними не сложилось». Я сообщил об этом Дедушке, половина которого все еще оставалась внутри сна. «Собак никто не боится», – сказал он. «Дедушка информирует меня, что собак никто не боится». Герой сдвинул наверх рубашку, чтобы экспонировать мне останки какой-то раны. «Это от укуса собаки», – сказал он. «Что от укуса?» – «Это». – «Что?» – «Эта штука». – «Какая штука?» – «Вот. Похоже на две скрещенные черточки». – «Я не вижу». – «Вот», – сказал он. «Где?» – «Прямо здесь», – сказал он, и я сказал: «О да», хотя по правде по-прежнему ничего не засвидетельствовал. «Моя мама боится собак». – «Ну и?» – «Поэтому я тоже боюсь собак. С этим ничего не поделаешь». Теперь я ухватил ситуацию. «Сэмми Дэвис Наимладшей придется ехать впереди между нами», – сказал я Дедушке. «Садись, блядь, в машину», – сказал он, растеряв все терпение, которое накопил, пока храпел. «Сука с евреем поедут на заднем сиденье. Там хватит места обоим». Я не упомянул, что на заднем сиденье им и в одиночку было бы тесно. «Что будем делать?» – спросил герой, опасаясь сблизиться с автомобилем, а на заднем сиденье Сэмми Дэвис Наимладшая устраивала себе кровь во рту от пережевывания своего хвоста.

Книга повторяющихся сновидений, 1791

ИЗВЕСТИЕ о его счастливом жребии настигло Янкеля Д, когда Падшие заканчивали свою еженедельную службу.

Важно, чтобы мы помнили, – сказал картофелевод и нарколептик Дидл С, обращаясь к собравшимся, которые раскинулись на подушках в его гостиной. (Синагога Падших относилась к числу блуждающих и каждый Шаббат находила себе приют в доме одного из прихожан.)

Что помнили? – спросил школьный учитель Цадик П, брызгая желтой от мела слюной на каждом слого.

«Что», – сказал Дидл, – в данном случае не так принципиально, как память сама по себе. Воспоминание как действие, как процесс, как признание нашего прошлого... Воспоминания – это короткие обращения к Богу, если бы мы во все это верили... Не зря же тут говорится нечто подобное или подобное нечто тому, о чем я пытаюсь сказать... Надо же, я ведь только что даже пальцем специально заложил... В руках держал, не сойти мне с этого места. Никому не попадалась Книга Предшественников? Ну я же секунду назад видел один из ее начальных томов... Черт!.. Кто-нибудь может мне подсказать, на чем я остановился? Все, полнейший конфуз и замешательство... Ну почему я каждый раз сажусь в лужу именно у себя дома...

Память, – пришла на помощь скорбящая Шанда, но Дидл уже успел скоропостижно заснуть. Она разбудила его и прошептала: Память.

Вот именно, – с ходу включился Дидл, стремительно пролистывая стопку бумаг у себя на паперти, каковая на самом деле была куриной клетью. Память. Память и воспроизводство. И, конечно же, сны. Что значит бодрствовать, как не истолковывать наши сны, и что значит видеть сны, как не истолковывать наше бодрствование? Самый замкнутый из возможных кругов! Сны, да? Или нет? Да, да. Потому что сегодня первый Шаббат. Первый Шаббат месяца. А значит, как и во всякий первый Шаббат месяца, нам надлежит пополнить Книгу Повторяющихся Сновидений. Да? Ну скажите же кто-нибудь: я не совсем обосрался?

Вот уже две недели подряд мне снится один и тот же на редкость удивительный сон, – сказала Лиля Ф, происходившая от Падшего, который выпустил из рук Великую Книгу.

Чудесно, – сказал Дидл, извлекая Том IV Книги Повторяющихся Сновидений из священного ковчега, бывшего на самом деле обыкновенной дровяной плитой.

И мне снится, – подал голос Шлоим. – Даже несколько.

Мне тоже снился повторяющийся сон, – сказал Янкель.

Чудесно, – сказал Дидл. – Расчудесно. В таком темпе мы скоро еще один том закончим.

Но прежде, – прошептала Шанда, – нам надлежит перечитать записи прошлого месяца.

Но прежде, – сказал Дидл, вновь принимая на себя полномочия раввина, – нам надлежит перечитать записи прошлого месяца. Движение вперед невозможно без движения назад.

Только покороче, а то я свой сон забуду, – сказал Шлоим. – Странно, что я вообще его помню.

Сколько сочтет нужным, столько пусть и читает, – сказала Лиля.

Сколько сочту нужным, столько и прочту, – сказал Дидл, испачкав палец в саже, покрывавшей массивный кожаный переплет. Он распахнул том ближе к концу, взял в руку серебряную указку (на самом деле – оловянный нож) и принялся читать нараспев, скользя лезвием по строчкам их сновидений.

4:512 – Сон о сексе без боли. Четыре ночи назад мне снились стрелки часов, сыпавшиеся с неба, точно дождевые капли, луна в виде зеленого глаза, зеркала и насекомые, любовь без конца. Было не столько ощущение заполненности, которого мне так не хватает, сколько ощущение отсутствия пустоты во мне. Сон оборвался, когда я осознала, что муж уже вошел в меня. 4:513 – Сон об ангелах, которым снятся люди. После обеда я задремал, и мне приснилась лестница. Спящие ангелы, как сомнамбулы, бродили вверх-вниз по ее ступеням; глаза их были закрыты, дыхание – медленное и тяжелое, поникшие крылья свисали вдоль боков. Я столкнулся с одним пожилым ангелом, отчего он пробудился и вздрогнул. Ангел был похож на моего дедушку, который умер в прошлом году, а перед этим каждую ночь молил Бога, чтобы это произошло во сне. Надо же, сказал мне ангел, ты мне только что снился. 4:514 – Сон о полете, как ни глупо это прозвучит. 4:515 – Сон о вальсе изобилия, голода и изобилия. 4:516 – Сон о птицах без плоти (46). Не знаю, сочтете ли вы это сном или воспоминанием, потому что так оно и было на самом деле, но стоит мне заснуть, как я вновь вижу комнату, в которой оплакивала смерть сына. Те из вас, кто был со мной в комнате, – вы, конечно, вспомните, как мы сидели в молчании, не притрагиваясь к еде. Вы вспомните, как в оконное стекло внезапно врезалась птица и, пробив его, упала на пол. Вы вспомните, те, кто был в той комнате, как она дернула крыльями, прежде чем испустить дух, и как на полу осталось пятнышко крови,

когда ее унесли. Но кто из вас первым обнаружил негатив птицы, отпечатавшийся в окне? Кто первым увидел контур, оставленный птицей, контур, кровавивший палец любого, кто осмеливался его обвести, контур, доказывавший существование птицы убедительнее, чем сама птица? Кто из вас пошел со мной, когда, продолжая оплакивать смерть сына, я вышла из комнаты, чтобы предать птицу земле собственными руками? 4:517 – Сон о влюбленности, свадьбе, смерти, любви. Когда я вижу этот сон, мне всегда кажется, что он длится часами, хотя на самом деле он длится всего пять минут – между тем, когда я возвращаюсь с поля, и тем, когда меня будят к ужину. Мне снится, как я впервые встретил свою жену пятьдесят лет назад, все в мельчайших подробностях. Мне снится наша свадьба; я даже могу разглядеть слезы гордости на щеках моего отца. Все в точности так, как было. Но потом мне снится моя собственная смерть, хотя считается, что такие вещи не снятся, но мне врать незачем.

Мне снится, как, склонившись над моим смертным одром, жена говорит, что по-прежнему меня любит, и хотя она думает, что я ее не слышу, я ее слышу, а она говорит, что ничего в нашей жизни не стала бы менять. И у меня такое чувство, будто все это со мной уже не раз было, все привычно, даже сама смерть, и что после нее все это еще много раз повторится, – мы вновь встретимся, поженимся, родим детей, будем радоваться тем же успехам и огорчаться тем же неудачам, снова и снова, не в силах что-либо поменять. И вот я опять в нижней точке этого неостановимого колеса, и в тот самый миг, когда смерть опускает мне веки, как тысячи раз делала это раньше, как тысячи раз сделает это потом, – я просыпаюсь. 4:518 – Сон о вечном движении. 4:519 – Сон о низких окнах. 4:520 – Сон о безопасности и покое. Мне приснилось, будто я родился от незнакомки. Она родила меня в тайном пристанище, вдали от всего, что я узнаю, когда вырасту. Как только это случилось, она передала меня моей матери, чтобы ни у кого не возникло подозрений, и мать сказала: Ты дала мне сына, дар жизни, благодарю тебя. И поскольку я зародился в теле чужой женщины, тело матери никогда меня не пугало, и я мог обнимать его, не испытывая стыда, одну лишь любовь. И поскольку я вышел не из материнской утробы, желание вернуться домой никогда не вело меня к матери, и мне ничто не мешало сказать Мама, имея в виду только мама, ничего больше. 4:521 – Сон о птицах без плоти (47). В этом сне, который снится мне каждую ночь, царят сумерки, я занимаюсь любовью с женой, с моей реальной женой, той самой, что прожила со мной тридцать лет. Всем известно, как я ее люблю, я люблю ее до безумия. Сначала я ласкаю руками ее бедра, потом скольжу вверх по талии и животу и касаюсь груди. Всем известно, какая она красавица, и во сне она точно такая, как в жизни, такая же красавица. Я смотрю на свои руки, ласкающие ее грудь, –

мозолистые, грубые руки мужчины, все в прожилках, дрожащие, суетливые, – и вспоминаю – сам не пойму почему, но так каждую ночь – вспоминаю двух белых птенцов, которых мать привезла мне в подарок из Варшавы, когда я был еще совсем крохой. Мы им разрешали летать по дому и садиться, где вздумается. Помню, как я смотрю на мать со спины, пока она жарит мне яичницу, и птенцы сидят у нее на плечах, по одному на каждом, и их клювики у самых ее ушей, точно они намереваются поделиться с ней секретом. Она поднимает правую руку вверх, начинает шарить, не глядя, на верхней полке в поисках какой-то приправы, ухватывая что-то невидимое, ускользающее, дрожащее, и одновременно следит за тем, чтобы яичница не подгорела. 4:522 – Сон о встрече с самим собой в более молодом возрасте. 4:523 – Сон о животных, всякой твари по паре. 4:524 – Сон, за который мне не будет стыдно. 4:525 — Сон о том, что мы сами себе отцы. Не знаю зачем, но я пошел к Брод и посмотрел на свое отражение в воде. У меня не было сил оторваться. Что меня так приковывало? Что я так любил? И вдруг я узнал его. Как просто. Из воды на меня смотрело лицо отца, но вместо моего лица, оно видело лицо своего отца, а его лицо видело лицо своего отца, и так далее, и так далее, пока отражения не добирались до начала начал, то есть до лика Божия, по чьему образу и подобию все мы и были созданы. Мы сгорали от любви к самим себе, каждый из нас, мы страдали от огня, который сами же разжигали – наша любовь была недугом, от которого только любовь и могла исцелить...

Громкий стук в дверь прервал напевное чтение. Двое людей в черных шляпах стремительно прохромали в гостиную; никто из собравшихся даже встать им навстречу не успел.

МЫ ЗДЕСЬ ПО ПОРУЧЕНИЮ НЕСГИБАЕМОЙ СИНАГОГИ! – выкрикнул тот, что был выше ростом.

НЕСГИБАЕМОЙ СИНАГОГИ! – эхом отозвался тот, что был ниже и коренастее.

Шашш, – сказала Шанда.

ЗДЕСЬ ЛИ ЯНКЕЛЬ? – еще громче, будто ей назло, выкрикнул тот, что был выше ростом.

ДА, ЗДЕСЬ ЛИ ЯНКЕЛЬ? – эхом отозвался тот, что был ниже и коренастее.

Здесь, здесь я, – сказал Янкель, поднимаясь с подушки. Он решил, что Многоуважаемому Раввину потребовалась финансовая консультация, за которой он уже не раз обращался в прошлом, ибо удовольствие быть набожным в те дни обходилось недешево. – Чем могу быть полезен?

ТЫ БУДЕШЬ ОТЦОМ РЕЧНОГО МЛАДЕНЦА! – выкрикнул тот, что был выше.

ТЫ БУДЕШЬ ОТЦОМ! – эхом отозвался тот, что был ниже и коренастее.

Чудесно! – сказал Дидл, захлопывая Том IV Книги Повторяющихся Сновидений, отчего в воздух взметнулось облако пыли. – Чудесно-расчудесно! Янкель будет отцом!

Мазл-тов! – запели прихожане. – Мазл-тов!

Внезапно Янкелем овладел страх смерти. Он был острее, чем когда угасли от старости его родители; острее, чем когда погиб на мельнице его единственный брат или умирали дети; острее, чем даже тогда, когда ребенком он впервые осознал, что ему надо попытаться понять, как это можно быть неживым – не оставленным в темноте и не лишенным чувствительности, а вообще несуществующим; что это значит – не быть.

Падшие поздравляли его, похлопывали по спине, не замечая, что он плачет. Спасибо, – все повторял и повторял он, ни разу не задавшись вопросом, кого, собственно, он благодарит. – Огромное вам спасибо. Он получил младенца, а я – пра-пра-пра-пра-пра-прапрадедушку.

Впадая в любовь, 1791-1796

В ТОТ ВЕЧЕР опальный ростовщик Янкель Д принес малютку домой. Вот мы и дома, – сказал он, – поднимаемся на крыльцо. Вот так. Это твоя входная дверь. А это ручка на входной двери: видишь, я ее сейчас поворачиваю. Это место для обуви, которую мы снимаем, входя в помещение. А сюда мы вешаем пиджаки. Он говорил с ней так, будто она могла его понимать, не сюсюкая, не коверкая слов, избегая односложных предложений. То, чем я тебя сейчас кормлю, называется

молоко. Его нам приносит Мордехай-молочник, с которым ты как-нибудь познакомишься. Он берет молоко у коровы, что довольно странно и даже противоестественно, если вдуматься, так что лучше не вдумываться... То, чем я поглаживаю твою мордашку, называется рука. Некоторые из нас левши, некоторые – правши. Кто ты, мы пока не знаем, потому что сейчас за тебя все делаю я... Это поцелуй. Чтобы он получился, губы надо сложить трубочкой и к чему-нибудь прижать. Можно к другим губам, можно к щеке, можно еще к какому-нибудь месту – по обстоятельствам... Это мое сердце. Ты касаешься его левой рукой. Не потому, что ты левша, хотя это совсем не исключено, а потому, что я прижимаю к нему твою левую ручку. Сейчас ты чувствуешь, как оно бьется. Благодаря этому я живу.

Он устроил ей колыбель в глубоком противне, напихав в него мятых газет, и каждый раз бережно задвигал его в духовку, чтобы шум, производимый каскадом небольших водопадов за окнами, не тревожил ее покоя. Дверь духовки он оставлял открытой и часами сидел, наблюдая, точно пекарь, поджидающий, когда замешенное для хлеба тесто начнет всходить. Он наблюдал, как часто поднимается и опускается ее крошечная грудка, как пальчики на ее руках то распрямляются, то собираются в кулачки, как она жмурится без всякой видимой причины. Видит ли она сны? – размышлял он. – И если да, то какие сны могут сниться младенцу? Должно быть, ей снится жизнь до рождения, так же, как мне – загробная. Когда он доставал ее из колыбели, чтобы покормить или просто поддержать на руках, ее маленькое тельце было сплошь в татуировках типографского набора. ВРЕМЕНАМ РАЗНОЦВЕТНЫХ РУК НАСТАЕТ КОНЕЦ! МЫШЬ БУДЕТ ПОВЕШЕНА! Или ОБВИНЯЕМЫЙ В ИЗНАСИЛОВАНИИ СОФЬЕВКА ОПРАВДЫВАЕТСЯ ТЕМ, ЧТО ОКАЗАЛСЯ ВО ВЛАСТИ ПЕНИСА, «ОТБИВШЕГОСЯ ОТ РУК». Или ПОГИБШИЙ В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ НА МЕЛЬНИЦЕ АВРУМ Р ОСТАВЛЯЕТ СИРОТОЙ СБЕЖАВШЕГО ОТ НЕГО СОРОКАВОСЬМИЛЕТНЕГО СИАМСКОГО КОТА. КОТ РЫЖЕВАТО-КОРИЧНЕВЫЙ, В МЕРУ УПИТАННЫЙ, НО НЕ РАСКОРМЛЕННЫЙ, ЛАСКОВЫЙ, МОЖЕТ БЫТЬ, ЧУТОЧКУ РАСКОРМЛЕННЫЙ, ОТКЛИКАЕТСЯ НА КЛИЧКУ «МАФУСАИЛ», НУ, БУДЬПО-ВАШЕМУ, ЖИРНЫЙ, КАК БОРОВ. НАШЕДШИЙ МОЖЕТ ОСТАВИТЬ ЕГО СЕБЕ БЕЗ ВСЯКОГО ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ. Порой, баюкая малютку на руках, он прочитывал ее от корки до корки и так узнавал о мире все, что ему полагалось узнать. То, что не было написано на ней, его не интересовало.

Янкель потерял двоих детей: первого отобрала у него лихорадка, второго – ветряная мельница, на которой с тех пор, как ее построили, каждый год погибал кто-нибудь из жителей штетла. Еще Янкель потерял жену: правда, ее отобрала не смерть, а другой мужчина. Однажды вечером он вернулся домой из

библиотеки и на полувике перед входом поверх надписи ШАЛОМ! обнаружил записку: Иначе поступить не могла.

Лиля Ф ковырялась в земле, окучивая одну из своих ромашек. Битцл Битцл стоял у окна своей кухни, притворяясь, что отдраивает разделочную доску. Шлоим В пялился сквозь верхнюю колбу песочных часов, с которыми все никак не находил сил расстаться. Никто не проронил ни слова, пока Янкель читал записку; никто не проронил ни слова и потом, как будто исчезновение его жены было делом само собой разумеющимся, или как будто никто из них раньше не замечал, что у него была жена.

Почему бы ей не подсунуть ее под дверь? – размышлял он. – Или хотя бы сложить? Внешне эта записка ничем не отличалась от других, когда-либо ею написанных, типа Попробуй починить дверной молоточек или Не волнуйся, скоро вернусь. Было даже странно, что записка столь радикального содержания – Иначе поступить не могла – выглядела совершенно так же, как все предыдущие: банально, обыденно, никак. Он мог бы возненавидеть ее за то, что она оставила записку на всеобщее обозрение, он мог бы возненавидеть ее за прямоту, за отсутствие в тексте даже намек на страдание, на то, что, да, дескать, это важно, да, это самая мучительная записка в моей жизни, да, я скорей умру, чем соглашусь написать ее еще раз. Где следы высохших слез? Где надрыв?

Но поскольку жена была его первой и единственной любовью и поскольку так уж повелось в их крошечном штетле – всегда прощать свою первую и единственную любовь, – Янкель заставил себя понять ее поступок или сделать вид, что понял. Он ни разу не позволил себе упрекнуть ее за бегство в Киев вместе с заезжим и усатым чиновником, вызванным в штетл для содействия в упорядочении позорного и запутанного судопроизводственного процесса, на котором Янкель проходил в качестве обвиняемого; в конце концов, чиновник мог посулить ей золотые горы, мог увезти ее подальше, в тихое место, где не было бы ни мыслей, ни свидетельских показаний, ни согласованного признания вины. Нет, не то. Где бы не было Янкеля. Она хотела быть там, где не было Янкеля.

На протяжении нескольких недель после ее побега он пытался избавиться от одного и того же навязчивого видения: чиновник, ебущий его жену. На полу посреди продуктов, приготовленных для стряпни. Стоя, в одних носках. На траве, в саду их нового огромного дома. Ему слышались такие ее стенания, которые в постели с ним она никогда не издавала, и воображалась такая степень ее услады, до которой чиновник, будучи настоящим мужчиной, смог ее

довести, а он, будучи ненастоящим, не смог. Сосет ли она его член? – размышлял он. – Сознаю, что мысль идиотская и, кроме боли, ничего не сулит, но не могу от нее отделаться. И когда сосет – не может не сосать, – чем он в этот момент занят? Откидывает ли назад ее волосы, чтобы не мешали смотреть? Касается ли ее груди? Думает ли о ком-то другом? Если думает, я его растерзаю.

Под неотрывными взглядами штетла – Лиля окучивает, Битцл Битцл скребет, Шлоим отмеряет песочное время, – он скатал записку в комок, формой похожий на слезу, сунул его за лацкан пиджака и вошел в дом. Что же мне теперь делать? – подумал он. – Надо, наверное, покончить с собой.

Жить было невыносимо, но умирать еще невыносимее. Невыносимо было воображать, как она занимается с кем-то любовью, но так же невыносимо было этого не воображать. То же и с запиской: невозможно было ее хранить, но и уничтожить казалось невозможным. Он пробовал ее потерять. Он оставлял ее в пустых, заплаканных воском, подсвечниках; каждую Пасху совал ее между пластинками мацы; ронял на свой заваленный бумагами стол в надежде, что в следующий раз ее не обнаружит. Но она неизменно обнаруживалась. Однажды он попытался незаметно выдать ее из кармана брюк, сидя на скамье у фонтана распростертой русалки, но, когда полез за носовым платком, записка по-прежнему была в кармане. В другой раз он вложил ее вместо закладки в ненавидимый им роман, но несколько дней спустя она оказалась между страниц одной из тех западных книг, которые, кроме него, никто в штетле не читал и которую записка навсегда для него отравила. Уничтожить записку оказалось так же непросто, как свести счеты с жизнью. Она всегда возвращалась. Она оставалась с ним, точно была его частью, как родинка или конечность. Она была на нем, она была в нем, она была им, она была гимн: Иначе поступить не могла.

Со временем он потерял уйму всевозможных клочков бумаги, не говоря уже о ключах, ручках, рубашках, очках, часах, столовых приборах. Он потерял башмак, любимые опаловые запонки (бахрома на его падших манжетах колосилась, не зная удержу), три года вдали от Трахимброда, мириады идей, которые он так и не собрался записать (большинство из них – гениальные, остальные – просто с глубоким смыслом), волосы, осанку, пару родителей, пару детей, одну жену, целое состояние карманной мелочи и такое количество возможностей, что замучаешься считать. Он даже имя потерял: до бегства из штетла, то есть от рождения и до первой смерти, все звали его Сафран. Казалось, не было такой вещи, которую он не сумел бы потерять. Только этот клочок не исчезал, и образ распростертой жены, и еще мысль о том, что жизнь могла бы стать несравнимо

лучше, если бы он нашел силы с ней покончить.

До процесса Янкель – в ту пору Сафран – пользовался всеобщим уважением. Он исполнял обязанности президента (а также секретаря, казначея и единственного члена) Комитета Приятных и Изящных Искусств, а также являлся основателем, бессменным председателем и единственным педагогом Школы Высокопарного Образования, занятия которой проходили у него дома и посещались одним только Янкелем. Нередко в его честь (хоть и не обязательно в его присутствии) в иных домах устраивались обеды с многочисленными сменами блюд, или состоятельные члены общины заказывали заезжему художнику его портрет маслом. Портреты всегда получались краше оригинала. Им все восторгались, его все любили, но никто не знал. Он был вроде книги, которую приятно держать в руках, о которой можно говорить, даже не читая, которую приятно рекомендовать.

По совету своего адвоката Исаака М, который рисовал в воздухе кавычки вокруг каждого слога каждого сказанного им слова, Янкель, судимый за нарушение правил ростовщичества, признал себя виновным по всем пунктам в надежде, что это смягчит наказание. Кончилось тем, что он потерял лицензию. Но лицензия – это полбеда. Кроме нее он потерял свое доброе имя, которое, как все знают, здоровья дороже. Прохожие презрительно усмехались ему в лицо и шипели сквозь зубы оскорбления типа: негодяй, обманщик, шавка, прохвост. Его не ненавидели бы так истово, если бы до этого с той же истовостью не боготворили. А поскольку вместе с Заурядным Раввином и Софьевкой он был одним из невидимых столпов, на которых держался штетл невидимым столпом, его падение с неизбежностью привело к ощущению утраченного равновесия и пустоты.

Сафран скитался по соседним деревням, нанимаясь на работу то в качестве преподавателя теории и практики игры на клавесине, то в качестве парфюмерного консультанта (прикидываясь слепым и глухим в надежде, что от него не станут требовать рекомендательных писем), то в качестве худшего в мире предсказателя будущего: Я не собираюсь кормить вас рассказами про радужные перспективы... Каждое утро он просыпался с желанием жить правильно, вести честное, исполненное смысла существование, быть – как бы просто это ни звучало и как бы невозможно на деле ни было – счастливым. Но по мере старения дня его сердце перемещалось из грудной клетки в область живота. К полудню ему начинало казаться, что все в этой жизни неправильно, не по нему, и возникало острое желание побыть одному. К вечеру он достигал

желаемого: он был один в океане своего горя, один в омуте своей бесцельной вины, один даже в своем одиночестве. Я не грущу, – снова и снова повторял он. – Я не грущу. Как будто надеялся однажды убедить себя в этом. Или обмануть. Или убедить других – единственное, что хуже самой печали, – это когда ты не можешь скрыть ее от других. Я не грущу. Я не грущу. А ведь жизнь его, подобно пустой белой комнате, была полна неограниченными возможностями для счастья. Когда он засыпал, сердце сворачивалось в изножье его кровати, точно домашний зверек, живущий сам по себе. Но наутро оно вновь оказывалось в клетке, за решеткой ребер, немного отяжелевшее, ослабевшее, но, как и прежде, работающее без сбоев. К полудню Янкелем вновь овладевало желание не быть здесь, не быть самим собой, быть не здесь и не самим собой. Я не грущу.

После трех лет скитаний он вернулся в штетл (я – неопровержимое доказательство того, что всякий, покинувший родные места, рано или поздно в них возвращается) и зажил тихо и неприметно, уподобившись бахроме Падших, пришитой к одному из манжетов Трахимброда, обреченный носить на шее эту чудовищную бусину, клеймо его позора. Он стал называть себя Янкелем, по имени чиновника, сбежавшего с его женой, и попросил, чтобы никто никогда не называл его больше Сафраном (хотя ему и мерещилось, что шепотом, за глаза, его то и дело так называют). К нему вернулось большинство старых клиентов, и хоть они и отказывались брать у него ссуды под процент времен его расцвета, Янкель-Сафран сумел-таки вновь утвердиться в родимом штетле, к чему в конечном итоге стремится каждый изгнанник.

Когда черношляпники вручили ему малютку, он вдруг и сам почувствовал себя заново рожденным, точно получил шанс зажить без стыда, забыть о необходимости постоянно искать оправдания допущенным ошибкам, шанс вновь стать невинным, просто и невозможно счастливым. Он дал ей имя Брод – в честь реки, подарившей столь удивительное рождение, и повязал ей на шею нитку с нанизанной на нее крошечной костяшкой счетов, чтобы она не чувствовала себя посторонней в обществе человека, который отныне становился ее семьей.

Когда моя пра-пра-пра-пра-пра-прабабушка подросла, она этого, конечно, не помнила, и никто ей ничего не рассказывал. Янкель придумал историю о ранней кончине ее матери – без страданий, во время родов, – а на возникавшие многочисленные вопросы отвечал так, чтобы как можно меньше ее ранить. Это от матери ей достались такие изумительные оттопыренные уши. И чувство юмора, так восхищавшее знакомых мальчишек, она тоже унаследовала от нее. Он рассказывал Брод об их поездках на вакации (как в Венеции жена вынимала

ему занозу из пятки, как в Париже он делал ее набросок красным карандашом у высокого фонтана), он показывал ей их любовную переписку (письма, якобы полученные им от матери Брод, он писал левой рукой), он баюкал ее перед сном сказками об их удивительном романе.

Ты влюбился в нее с первого взгляда, Янкель?

Я влюбился в нее еще до того, как увидел – по запаху.

Расскажи еще раз, какая она была.

Копия – ты. Такая же красавица, и глаза, как у тебя, разноцветные. Один – голубой, другой – карий, как твои. Те же выдающиеся скулы, та же нежная кожа.

А какая была ее самая любимая книга?

Книга Бытия, конечно же.

Она верила в Бога?

Она бы ни за что не сказала.

А пальцы у нее были длинные?

Вот такие.

А ноги?

Вот такие.

Расскажи еще раз, как она дула тебе на лицо перед каждым поцелуем.

Тут и рассказывать нечего: она всегда дула мне на губы, прежде чем поцеловать, как будто я был горячим пирожком и она собиралась меня скушать!

Смешная она была? Смешнее меня?

Не было в мире человека смешнее. И ты в точности такая же.

Она была красивая?

Случилось то, что и должно было случиться: Янкель влюбился в свою выдуманную жену. Он мог теперь проснуться среди ночи, тоскуя по весу, никогда не отяжелявшему постели рядом с ним, припоминая весомость жестов, никогда ею не сделанных, изнывая без невесомости ее неруки поперек его слишком реального торса, что делало его вдовствующие воспоминания еще более убедительными, а боль, которую они причиняли, еще более невыносимой. Он чувствовал, что он ее потерял. И он ее действительно потерял. По ночам он перечитывал письма, которые она никогда ему не писала.

Мой самый любимый Янкель,

Как ни сладостна тоска, так сильно тосковать по мне незачем, потому что скоро я уже буду дома, с тобой. До чего же ты глупенький. Говорили тебе об этом? Ах, если б ты только знал, до чего ты глупенький! Может, потому я так сильно в тебя и влюбилась, что сама порядочная дурында.

Здесь все чудесно. Все, как ты и обещал, красота неопишуемая. Люди добры, и питание отменное, о чем упоминаю лишь потому, что знаю, как ты всегда волнуешься, не забываю ли я поесть. Не забываю, не волнуйся.

Очень скучаю по тебе. Скажу даже – невыносимо. Каждый день, каждый миг думаю только о том, как мне тебя не хватает, и это меня доканывает. Но, конечно, скоро я возвращусь и перестану скучать, перестану убиваться от мысли, что что-то важное, самое-самое важное, не рядом, а то, что рядом – не со мной. Перед отходом ко сну я каждый раз целую подушку, воображая, что это ты. Ты бы обязательно так делал, я знаю. Может, потому-то и я так делаю.

Это почти сработало. От частого повторения вымышленные факты сделались совсем неотличимыми от невымышленных. И только невымышленная записка все возвращалась и возвращалась к нему, не позволяя достичь такой простой и невозможной вещи, как счастье. Иначе поступить не могла. Брод обнаружила

записку, когда ей было всего несколько лет от роду. Непостижимым образом она проникла к ней в правый карман, как будто у записки могли быть для этого свои соображения, как будто четыре накорябанных на ней слова действительно желали разрушить реальность. Иначе поступить не могла. Брод либо почувствовала безмерную важность записки, либо не придавала ей вообще никакого значения, потому что, не сказав Янкелю ни слова, она оставила ее на столике возле его кровати, где он той же ночью на нее и наткнулся, откладывая в сторону очередное письмо не ее матери, не его жены. Иначе поступить не могла.

Я не грущу.

Еще одна лотерея, 1791

МНОГОУВАЖАЕМЫЙ РАВВИН заплатил половину чертовой дюжины яиц и горсть черники за то, чтобы Шимон Т поместил в своем еженедельном информационном листке следующее объявление: что-де взбалмошной львовской магистратуре приспичило дать имя безымянному штетлу; что имя сие будет фигурировать на новых картах и при проведении переписей; что оно не должно уязвлять чересчур чувствительных граждан украинского и польского происхождения или быть труднопроизносимым и что решение необходимо принять до конца недели.

РЕФЕРЕНДУМ! – провозгласил Многоуважаемый Раввин. – ЭТО ТРЕБУЕТ РЕФЕРЕНДУМА. Ибо, как разъяснил некогда Досточтимый Раввин: И ЕСЛИ ИСХОДИТЬ ИЗ ТОГО, ЧТО КАЖДЫЙ ВМЕНЯЕМЫЙ, МОРАЛЬНО УСТОЙЧИВЫЙ, МАЛО-МАЛЬСКИ ОБРАЗОВАННЫЙ, ВЛАДЕЮЩИЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ, СОБЛЮДАЮЩИЙ ПОСТ, ДОСТИГШИЙ ЗРЕЛОСТИ ЕВРЕЙ МУЖСКОГО ПОЛА РОЖДАЕТСЯ СО СВОИМ НЕПОВТОРИМЫМ ГОЛОСОМ, НЕ ДОЛЖНЫ ЛИ ВСЕ ЭТИ ГОЛОСА БЫТЬ УСЛЫШАНЫМИ?

На следующее утро возле Несгибаемой Синагоги был выставлен ящик для бюллетеней, а все имевшие право голоса жители выстроились в очередь вдоль линии Еврейско/Общечеловеческого раскола. Битцл Битцл Р подал свой голос за название «Гефилтеград[3 - От gefilte fish – фаршированная рыба (идиш).]»; покойный философ Пинхас Т – за «Капсула Времени Праха и Нити». Многоуважаемый Раввин проголосовал за «ШТЕТЛ БЛАГОЧЕСТИВЫХ

НЕСГИБАНЦЕВ И НЕ ЗАСЛУЖИВАЮЩИХ УПОМИНАНИЯ ПАДШИХ, С КОТОРЫМИ НИ ОДИН УВАЖАЮЩИЙ СЕБЯ ЕВРЕЙ ДЕЛА ИМЕТЬ НЕ СТАНЕТ, ЕСЛИ ТОЛЬКО ОН НЕ ЛЮБИТЕЛЬ ИСКАТЬ ПРИКЛЮЧЕНИЙ НА СВОЮ ГОЛОВУ».

Сумасшедший сквайр Софьевка Н, у которого времени было полно, а дел никаких, вызвался весь день присматривать за ящиком, а вечером доставить его в львовскую магистратуру. Утром пришел указ: расположенный в двадцати трех километрах на юго-восток от Львова, в четырех километрах к северу от Колков и стелющийся вдоль линии польско-украинской границы, как ветка вдоль плетня, штетл именовать отныне Софьевкой. К ужасу будущих софьевцев, новое название признавалось окончательным и обжалованию не подлежало. Оно и останется со штетлом до самого конца.

Конечно же, никто в Софьевке штетл Софьевкой не называл. Пока ему не присвоили это удручающее официальное имя, ни у кого и мысли не возникало, что штетлу непременно нужно как-нибудь называться. Но после понесенного оскорбления – а разве не оскорбление нести в века имя недоумка? – жители поняли, как их штетл называться не будет. Некоторые сразу же окрестили его Несофьевкой и называли его так даже после того, как ему выбрали другое имя.

Многоуважаемый Раввин объявил повторный референдум. ОФИЦИАЛЬНОЕ НАЗВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ, – сказал он. – НОНАМСЛЕДУЕТПОДЫСКАТЬ НАЗВАНИЕ, БОЛЕЕ СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАШИМ СОБСТВЕННЫМ ЦЕЛЯМ. И хотя никто толком не понимал, что имелось в виду под целями – Разве раньше у нас были какие-то цели? И как соотносится с общими целями моя личная? – необходимость еще одного референдума никто под вопрос не ставил. Возле Несгибаемой Синагоги вновь появился ящик для бюллетеней, только присматривали за ним на этот раз двойняшки – дочери Многоуважаемого Раввина.

Страдающий артритом слесарь Ицхак В проголосовал за «Пограничинск». Правовед Исаак М – за «Благодравск». Лиля Ф, потомок первого Падшего, выпустившего из рук Великую Книгу, уговорила двойняшек тайком принять от нее бюллетень с надписью «Пинхас». (Двойняшки тоже проголосовали: Ханна за «Чана», Чана – за «Ханна».)

Вечером Многоуважаемый Раввин пересчитал бюллетени. За каждое название было подано равное число голосов – по одному: Малый Луцк, НЕСГИБАННЫЙ КРАЙ, Новые Горизонты, Черта Оседлости, Иешуа, Замочный Ключ... Посчитав,

что фиаско и без того безмерно затянулось, и уговаривая себя, что именно так поступил бы Господь, окажись он в его положении, Многоуважаемый Раввин решил тянуть записку вслепую и назвать штетл так, как в ней будет написано.

Досточтимый Раввин кивнул, пробегая глазами ставший уже знакомым почерк. ЯНКЕЛЬ ОПЯТЬ ПОБЕДИЛ, – сказал он. – ЯНКЕЛЬ НАЗВАЛ НАС ТРАХИМБРОД.

23 сентября 1997

Дорогой Джонатан,

Меня сделало розовым до мурашек получить твое письмо и узнать, что ты восстановлен в университете для заключительного года. Что до меня, то мне по-прежнему предстоит два года занятий в кругу останков. Я не знаю, что буду исполнять после. Многое из того, о чем ты проинформировал меня в июле, сохраняет для меня знаменательность, как, например, то, что ты изрек про поиск мечты, и как если у тебя есть хорошая и осмысленная мечта, ты обязан отправляться на ее поиски. Должен сказать, что тебе это более проще.

Я не умирал от жажды упомянуть это, но упомяну. Скоро у меня будет достаточно валюты для покупки авиаваучера в Америку. Отец об этом не знает. Он думает, что я рассеиваю все, чем владею, в знаменитых дискотеках, но взамен них я часто иду на пляж и сижу там насестом по много часов, чтобы не рассеивать валюту. Когда я сижу насестом на пляже, я думаю о том, как тебе повезло.

Вчера Игорьку исполнилось четырнадцать. За день тому назад он сделал себе сломанную руку, на этот раз из-за забора, на который влезал, если ты можешь в это поверить. Мы все упрямо старались сделать его радостным человеком, и Мама приготовила торт высшей пробы, у которого было много уровней, и даже устроили маленький праздник. Дедушка, конечно, наличествовал. Он осведомился, как ты, и я сообщил ему, что ты возвращаешься в университет в сентябре, то есть сейчас. Я не информировал его о том, как охранник украл коробку Августины, потому что знал, что ему станет стыдно,

а вести о тебе его обрадовали, а он никогда не радостен. Он хотел через меня осведомиться, возможная ли это вещь, чтобы ты отпочтовал еще одну

репродукцию фотографии Августины. Он сказал, что возместит тебе валютой за любые расходы. Я очень огорчаюсь из-за него, о чем уже проинформировал тебя в предыдущем письме. Его здоровье терпит разгром. Он не обладает энергией, чтобы часто нервироваться, и обычно в молчании. По правде, я бы предпочел, если бы он на меня наорал или даже звезданул.

Отец купил Игорьку новый велосипед на его день рождения, что является подарком высшего качества, потому что я знаю, что Отец не обладает валютой для таких подарков, как велосипед. «Бедный Неуклюжина, – сказал он, удлинняясь положить свою руку Игорьку на плечо. – Он должен радоваться в день рождения». Я окружил конвертом изображение велосипеда. Сообщи, если он суперклевый. Пожалуйста, будь правдив. Я не рассержусь, если ты сообщишь мне, что он не суперклевый.

Вчера ночью я постановил не идти ни во что знаменитое. Вместо этого я сидел насестом на пляже. Но я не был в обычном одиночестве, потому что я взял с собой фотографию Августины. Должен признаться, что я экзаменую ее с большой повторяемостью и упорствую в размышлениях над тем, что ты сказал про то, как в нее нельзя не влюбиться. Она красивая. Ты прав.

Довольно моей миниатюрной болтовни. Я делаю из тебя скучного человека. Теперь я буду говорить по поводу своего повествования. Я ощутил, что ты был не так уж умиротворен вторым разделом. За это я ем очередной кусок позорного пирога. Но твои поправки были до того легкие. Спасибо, что проинформировал меня, что надо говорить просто «наложить в штаны», или «обосраться», и еще «прийтись кстати» вместо «идти в руку». Мне очень полезно знать правильные идиомы. Это необходимо. Я знаю, что ты просил меня не видоизменять ошибки, потому что они звучат юмористически, а юмор – единственный правдивый способ рассказать печальный рассказ, но я думаю, что я их видоизменю. Пожалуйста, не сердись на меня.

Я переоформил все остальные приказанные тобой поправки. Я вставил все, как ты распорядился, в часть про когда я первый раз тебя встретил. (Ты по правде думаешь, что мы сопоставимы?) Как ты приказал, я удалил предложение «Он был беспощадно низкого роста» и вставил на его место «Подобно мне, он не был высок». И после предложения ««О», – сказал Дедушка, и я ощутил, что он все еще отшвартовывается от сновидения» я добавил, как ты приказал: «О Бабушке?».

Я уверен, что с этими изменениями вторая часть моего повествования безупречна. Я не смог не заметить, что ты снова отпочтовал мне валюту. За это я снова тебя благодарю. Но, как попугай, повторяю, что уже изрекал: если ты не умиротворен тем, что я тебе отпочтовываю и хотел бы, чтобы валюта была отпочтована назад, я ее отпочтую незамедлительно. У меня нет другого способа гордости.

Над этой следующей секцией я горбатил очень усердно. Она была емкотруднее всех. Я предпринял попытку угадать некоторые из вещей, которые ты заставил бы меня видоизменить, и видоизменил их самостоятельно. Например, я не использовал слово «нервировать» с такой периодичностью, потому что ощутил, что оно делает тебя на нервах, когда прочитал в твоём письме: «Перестань употреблять слово «нервировать». Оно меня достало». Я также изобрел вещи, которыми надеялся тебя умиротворить, вещи смешные и вещи печальные. Я уверен, что ты проинформируешь меня, когда в своих изобретениях я забреду слишком далеко.

Озабоченный своим сочинением, ты выслал мне много страниц, но должен тебе сообщить, что я прочел каждую из них. Книга Повторяющихся Сновидений – красивая вещь, и должен сказать, что сон про то, как мы сами себе отцы, ввел меня в меланхолию. Это именно то, чего ты добивался, да? Конечно, я не Отец, так что, возможно, я редкая птица для твоего романа. То, что я лицезрею, когда смотрюсь в свое отражение, это не Отец, а негатив Отца.

Янкель. Он хороший человек, да? Почему, ты думаешь, он обмошенничал того человека столько много лет назад? Возможно, ему беспощадно потребовалась валюта. Я знаю, как это бывает, хотя я бы никогда не стал никого мошенничать. Я нашел стимулирующим, что ты произвел вторую лотерею, на этот раз, чтобы обозвать штетл. Это заставило меня подумать над тем, как бы я обозвал Одессу, если бы имел власть. Я думаю, что обозвал бы ее Алекс, потому что тогда все бы знали, что я Алекс и что город называется Алекс, и значит, я должен быть человеком высшей пробы. Еще я мог бы назвать ее Игорек, потому что люди стали бы думать, что мой брат – человек высшей пробы, каков он и есть, но людям было бы полезно так думать. (Это странно, но я желаю для своего брата все, что желаю для себя, только еще упрямее.) Возможно, я назвал бы ее Трахимброд, потому что тогда Трахимброд смог бы существовать, а также потому, что здесь все купили бы твою книгу, и ты мог бы стать знаменитым.

Мне сожалительно заканчивать это письмо. Из того, чем мы располагаем, это самая ближайшая вещь к разговору. Надеюсь, ты будешь умиротворен третьим разделом, и, как всегда, прошу у тебя прощения. Я предпринял попытку быть правдивым и прекрасным, как ты мне сообщил.

А, да! Есть один дополнительный пункт. Я не удалил Сэмми Дэвис Наимладшую из своего повествования, хоть ты и рекомендовал, чтобы я ее удалил. Ты изрек, что рассказ будет более «утонченным» в ее отсутствие, и я знаю, что утонченный – это как культурный, элегантный и хорошо воспитанный, но хочу тебя проинформировать, что Сэмми Дэвис Наимладшая – очень выдающийся персонаж, обладающий пестрыми аппетитами и зонами страсти. Давай полицезреем ее эволюцию и потом решим.

Бесхитростно,

Александр

Выдвигаясь к Луцку

СЭММИ ДЭВИС НАИМЛАДШАЯ конвертировала свое внимание от пережевывания хвоста к попытке начисто вылизать очки героя, которые, я вам скажу, нуждались в чистке. Я пишу попытке, потому что герой не проявлял общительности. «Не мог бы ты, пожалуйста, забрать от меня эту собаку, – сказал он, сворачивая тело в мяч. – Пожалуйста. Я на самом деле не люблю собак». – «Она всего лишь делает с тобой игры, – сообщил я ему, когда она расположила свое тело над ним и лягнула его задними ногами. – Это знаменует, что ты ей нравишься». – «Пожалуйста», – сказал он, предпринимая попытку удалить ее. Теперь она прыгала вверх и вниз у него на лице. «Она мне, честно, не нравится. Мне не до игр. Она мне очки сломает».

Теперь будет к месту упомянуть, что Сэмми Дэвис Наимладшая нередко проявляет общительность к своим новым друзьям, но подобного мне свидетельствовать не приходилось. Я умозаключил, что она полюбила героя. «Ты облачен в одеколон?» – спросил я. «Что?» – «Ты облачен в одеколон?» Он развернул тело так, чтобы его лицо было в сиденье, подальше от Сэмми Дэвис Наимладшей. «Может быть, самую малость», – сказал он, защищая зад головы

руками. «Потому что она любит одеколон. Он делает ее сексуально стимулированной». – «Господи Иисусе». – «Теперь она пытается сделать тебе секс. Это хороший знак. Это знаменует, что она не укусит». – «Помогите», – сказал он, в то время как Сэмми Дэвис Наимладшая развернулась, чтобы сделать с ним шестьдесят девять. В протяженности этого Дедушка все еще продолжал возвращаться из своего сна. «Она ему не нравится», – сообщил я Дедушке. «Нет, нравится», – сказал он, и все. «Сэмми Дэвис Наимладшая! – позвал я. – Сидеть!» И знаете что? Она села. На героя. В позиции шестьдесят девять. «Сэмми Дэвис Наимладшая! Сядь на своей половине сиденья! Слезь с героя!» Я думаю, что она доуразумела, потому что удалила себя от героя и возвратилась на другую сторону, где принялась звездаться лицом о стекло. А возможно, она слизала с героя весь одеколон и больше не интересовалась им сексуально, а только подружески. «Вы чувствуете этот отвратительный запах?» – осведомился герой, удаляя мокрость с задней стороны своей шеи. «Нет», – сказал я. Неистина, подходящая к случаю. «Пахнет чем-то просто чудовищно. Так пахнет, как будто кто-то умер в этом автомобиле. Что это такое?» – «Понятия не имею», – сказал я, хотя я имел понятие.

Я не помышляю, что в автомобиле был хотя бы один человек, который удивился, когда мы оказались потерянными промежду львовским вокзалом и супервеем, ведущим в Луцк. «Я ненавижу Львов», – сказал Дедушка, развернувшись, чтобы сообщить с героем. «Что он говорит?» – спросил меня герой. «Он говорит, что осталось недолго», – сказал я другую подходившую к случаю неистину. «Недолго до чего?» – спросил герой. Я сказал Дедушке: «Со мной ты не обязан быть добр, но не впутывай еврея». Он сказал: «Я могу говорить ему все, что захочу. Он не поймет». Я развернул голову вертикально для блага героя. «Он говорит, что осталось недолго до того, как мы выедем на супервей в Луцк». – «А оттуда? – спросил герой. – Как долго оттуда до Луцка?» Он приклеил свое внимание к Сэмми Дэвис Наимладшей, которая продолжала звездаться головой об окно. (Но здесь к месту упомянуть, что она была хорошей сукой, потому что звездалась головой только о свое окно, а когда ты в автомобиле, сука – не сука, на своей половине сиденья можешь делать, что тебе вздумается. И еще она перестала столько пердеть.) «Скажи, чтоб он заткнул свою пасть», – сказал Дедушка. – Я не могу вести, когда он разговаривает». – «Наш водитель говорит, что в Луцке много строений», – сообщил я герою. «Нам грандиозно платят, чтобы мы слушали, как он разговаривает», – сообщил я Дедушке. «Мне не платят», – сказал он. «Мне тоже», – сказал я. – Но кому-то ведь платят». – «Что?» – «Он говорит, что от супервея не больше двух часов до Луцка, где мы найдем какой-нибудь ужасный отель для ночи». – «Что ты имеешь в виду, когда говоришь ужасный?» – «Что?» – «Я... сказал... что... ты... имеешь... в... виду... когда...

говоришь... что... отель... будет... ужасным?» – «Скажи, чтобы он заткнул свою пасть». – «Дедушка говорит, что тебе следует выглянуть в окно, если ты хочешь что-нибудь увидеть». – «Что насчет ужасного отеля?» – «О, я умоляю тебя забыть, что я это сказал». – «Я ненавижу Львов. Я ненавижу Луцк. Я ненавижу еврея на заднем сиденье этого автомобиля, который я ненавижу». – «Ты не делаешь наше положение более проще». – «Я слепой. Мне полагается быть умственно престарелым». – «Что вы там говорите? И что это за чертов запах?» – «Что?» – «Скажи, чтобы он заткнул свою пасть или я срулю нас с дороги». – «Что... вы... там... говорите?» – «Еврея надо заставить замолчать. Я убью нас». – «Мы говорили, что поездка, возможно, немного затянется». Она захватила пять долгих часов. Если хотите знать почему, то это потому, что Дедушка – это сначала Дедушка, а водитель потом. Он часто делал нас потерянными, а себя на нервах. Мне пришлось переводить его ярость в полезную для героя информацию. «Блядь», – сказал Дедушка. Я сказал: «Он говорит, если ты посмотришь на статуи, то увидишь, что некоторых больше нет. Раньше там стояли коммунисты». – «На хуй, блядь, заебало!» – крикнул Дедушка. «О, – сказал я, – он хочет, чтобы ты знал, что то здание, то здание и вон то очень важные». – «Почему?» – осведомился герой. «Ебенать!» – сказал Дедушка. «Он не может вспомнить», – сказал я.

«Не могли бы вы включить немного кондиционирования?» – приказал герой. Я был унижен до максимума. «Этот автомобиль не располагает кондиционированием», – сказал я. – Я поедаю пирог позора». – «Можно тогда хоть стекла опустить? Здесь очень душно и пахнет, будто кто-то сдох». – «Сэмми Дэвис Наимладшая выпрыгнет». – «Кто?» – «Наша сука. Ее зовут Сэмми Дэвис Наимладшая». – «Это шутка такая?» – «Нет, по правде, выпрыгнет». – «Я имею в виду его имя». – «Ее имя», – исправил я, потому что первосортен с личными местоимениями. «Скажи, чтобы он залепил губы», – сказал Дедушка. «Он говорит, что сука получила имя в честь его любимого певца, которым был Сэмми Дэвис-младший». – «Еврей», – сказал герой. «Что?» – «Сэмми Дэвис-младший был еврей». – «Это невозможно», – сказал я. «Новообращенец. Он пришел к еврейскому Богу. Смешно». Я сообщил об этом Дедушке. «Сэмми Дэвис-младший не был евреем! – завопил он. – Он был негр из Крысиной Стаи!» – «Наш еврей уверен, что был». – «Музыкант? Еврей? Это невозможная вещь!» – «Так он меня информирует». – «Дин Мартин Младшая! – завопил Дедушка заднему сиденью. – Иди сюда! Давай, моя девочка!» – «Мы можем, пожалуйста, опустить стекла?» – сказал герой. – Нет больше сил жить с этим запахом». Я слизал с тарелки последние крошки пирога позора. «Это всего лишь Сэмми Дэвис Наимладшая. Автомобиль вынуждает ее ужасно пердеть, потому что в нем нет ни рессор, ни подвески, но если мы опустим стекла, она выпрыгнет, а она нам нужна,

поскольку эта сука – поводырь для нашего слепого водителя, который также мой дедушка. Чего ты не понимаешь?»

В протяженность этой пятичасовой автомобильной поездки от львовского вокзала до Луцка герой и объяснил мне, зачем он приехал в Украину. Он извлек несколько вещей из своей боковой сумки. Сначала он экспонировал мне фотографию. Она была желтой, и сложенной, и имела избыточное число фиксаторов, фиксирующих ее в одно. «Видишь? – сказал герой. – Это мой дедушка здесь, Сафран». Он указал пальцем на молодого человека, который, могу сказать, выглядел совсем как герой и мог бы быть героем. «Это смято во время войны». – «Кем смято?» – «Да не смято, а снято. Фото снято во время войны». – «Я понимаю». – «Эти люди рядом с ним – семья, которая спасла его от нацистов». – «Что?» – «Они... спасли... его... от... на... цистов». – «В Трахимброде?» – «Нет, но где-то за пределами Трахимброта. Он избежал нацистского рейда на Трахимброд. Все остальные были убиты. Он потерял жену и грудного ребенка». – «Они потерялись?» – «Они были убиты нацистами». – «Но если это было не в Трахимброде, зачем мы направляемся в Трахимброд? И как мы отыщем эту семью?» Он объяснил мне, что мы ищем не семью, а эту девочку. Только она и могла остаться в живых.

Он подвинул палец вдоль лица девочки на фотографии, когда упомянул о ней. Она стояла ниже и правее от его дедушки на изображении. Рядом с ней был мужчина, который, я уверен, был ее отцом, а сзади была женщина, которая, я уверен, была ее матерью. Ее родители выглядели очень по-русски, а она – нет. Она выглядела американкой. Она была молодой девочкой, возможно, лет пятнадцати. Но я допускаю, что и более старее. Она могла быть такой же старой, как мы с героем, и дедушка героя мог быть того же возраста. Я смотрел на девочку многократность минут. Она была до того красивая. Волосы у нее были каштановые и покоились на плечах. Глаза выглядели печальными и очень умными.

«Я хочу увидеть Трахимброд, – сказал герой. – Увидеть, на что похожи места, где вырос мой дедушка, где бы и я сейчас жил, если бы не война». – «Ты был бы украинцем». —

«Точно». – «Как я». – «Вероятно». – «Только не как я, потому что ты бы был фермером в невпечатляющем городке, а я живу в Одессе, которая совсем как Майами». – «Я и хочу увидеть, на что он сейчас похож. Не думаю, что там остались евреи, но, может быть, и остались. И потом, в штетлах жили не только

евреи, найдем кого расспросить». – «Где жили?» – «В штетлах. Штетл – это как деревня». – «Почему ты не обзовешь его просто деревней?» – «Это еврейское слово». – «Еврейское слово?» – «На идиш. Как шмак». – «Что значит шмак?» – «Если кто-то делает что-то, с чем ты не согласен, то он шмак». – «Научи меня еще чему-нибудь». – «Поц». – «Что это значит?» – «Это как шмак». – «Научи меня еще чему-нибудь». – «Шмендрик». – «Что это значит?» – «Это тоже как шмак». – «Ты знаешь какие-нибудь слова, которые не как шмак?» Он задумался на мгновение. «Шалом, – сказал он. – Хотя это три слова, и к тому же на иврите, а не на идиш. Все остальное, что приходит на ум, в общем-то шмак. У эскимосов есть четыреста слов, обозначающих снег, а у евреев четыреста слов, обозначающих шмак». Я залюбопытствовал: что такое эскимос?

«Так мы будем знакомиться с достопримечательностями штетла?» – спросил я героя. «Я полагал, что поиск следует начать именно там». – «Поиск?» – «Августины». – «Кто это Августина?» – «Девочка из фотографии. Единственная, кто еще может оставаться в живых». – «А-а... Мы будем искать Августину, которая, как ты думаешь, спасла твоего дедушку от нацистов». – «Да». На мгновение стало очень тихо. «Я бы хотел ее найти», – сказал я. Я ощутил, что мои слова умиротворили героя, хотя я не произносил этого, чтобы его умиротворить. Я произнес их, чтобы быть достоверным. «А потом, – сказал я, – если мы ее найдем?» Герой стал задумчивым человеком. «Я не знаю, что потом. Наверное, скажу ей спасибо». – «За спасение твоего дедушки?» – «Да». – «Это будет очень странно, да?» – «Что?» – «Когда мы ее найдем». – «Если мы ее найдем». – «Мы ее найдем». – «Вряд ли», – сказал он. «Тогда зачем мы ищем?» – запросил я, но прежде чем он успел ответить, я перебил себя другим запросом. «И откуда ты знаешь, что ее зовут Августина?» – «Вообще-то я этого точно не знаю. На обороте, видишь, здесь, написано несколько слов, по-моему, дедушкиным почерком. Но, может, и нет. Это на идиш. Здесь говорится: «Это я с Августиной, 21 февраля, 1943». – «Это очень трудно для чтения». – «Да». – «Почему, ты думаешь, он делает заметку только об Августине, а не о двух других людях на фотографии?» – «Я не знаю». – «Это странно, да? Это странно, что он отмечает только ее. Ты думаешь, он ее любил?» – «Что?» – «Потому что он только ее отмечает». – «Ну и?» – «Ну и, возможно, он ее любил». – «Забавно, что ты так подумал. У нас, должно быть, мозги устроены одинаково». (Спасибо, Джонатан.) «Вообще-то, я много об этом думал, хотя и без всякого повода. Ему было восемнадцать, а ей – сколько? – вокруг пятнадцати? Он только что потерял жену и дочь во время нацистского рейда на его штетл». – «Трахимброд?» – «Да. Может быть, надпись и не связана с изображением. Дедушка мог использовать обратную сторону снимка как обрывок». – «Обрывок?» – «Бумагу, потерявшую важность. Чтобы на ней записать». – «А-а». – «Так что я понятия не имею.

Маловероятно, чтобы он ее любил. Но, правда, есть какая-то странность в этом изображении, какая-то близость между ними, хоть они и не смотрят друг на друга? То, как они не смотрят друг на друга. В этом столько мощи, ты не находишь? И его слова на обороте». – «Да». – «И то, что мы оба подумали о возможности его любви к ней, тоже странно». – «Да», – сказал я. «Одна моя часть хочет, чтобы он ее любил, а другая моя часть ненавидит саму мысль об этом». – «Что это за часть, которая ненавидит, чтобы он ее любил?» – «Знаешь, хочется думать, что некоторые вещи в жизни не подлежат замене». – «Я не понимаю. Он женился на твоей текущей бабушке, значит, что-то было заменено». – «Но это другое». —

«Почему?» – «Потому что она моя бабушка». – «Твоей бабушкой могла быть Августина». – «Нет, она могла быть бабушкой только кому-то другому. Может быть, что и есть. У них с дедушкой могли быть дети». – «Не говори такого о своем дедушке!» – «Но я ведь знаю, что до этого у него были дети, что ж тут особенного?» – «Что если мы откроем твоего брата?» – «Не откроем». – «И как ты обрел эту фотографию?» – спросил я, держа ее на просвет окна. «Два года назад бабушка отдала ее маме и сказала, что это та самая семья, которая спасла моего дедушку от нацистов». – «Почему только два года назад?» – «Что ты имеешь в виду?» – «Что в ней стало по-новому, что она отдала ее твоей маме?» – «А-а, понимаю, о чем ты спрашиваешь. У нее были свои причины». – «Какие это причины?» – «Я не знаю». – «Ты осведомился у нее про надпись на обороте?» – «Нет. Мы ни о чем таком спрашивать ее не могли». – «Почему нет?» – «Она хранила эту фотографию пятьдесят лет. Если б она хотела что-то нам о ней рассказать, она бы рассказала». – «Теперь я понимаю. – «Я ей даже о своей поездке в Украину не мог сообщить. Она думает, что я по-прежнему в Праге». – «Почему так?» – «У нее об Украине нехорошие воспоминания. Ее штетл, Колки, всего в нескольких километрах от Трахимброда. Я полагаю, мы его тоже навестим. Но вся ее семья была убита, целиком – мать, отец, сестры, бабушка с дедушкой». – «Ее спас украинец?» – «Нет, она бежала еще до войны. Она была молода и ушла из семьи». Ушла из семьи. Я зарубил это у себя на лобном месте. «Меня удивляет, что никто не спас ее семью», – сказал я. «Ничего удивительного. В то время украинцы к евреям относились ужасно. Едва ли не хуже нацистов. Это был другой мир. В начале войны многие евреи хотели идти к нацистам, чтобы те защитили их от украинцев». – «Это неправда». – «Правда». – «Не могу поверить в то, что ты говоришь». – «Загляни в книги по истории». – «Книги по истории такого не сообщают». – «Но что же делать, если так было. Украинцы славились ужасным отношением к евреям. И поляки тоже. Слушай, я не хочу тебя обидеть. К тебе это вообще не относится. Мы говорим про пятьдесят лет назад». – «Я думаю, что ты ошибаешься», – сообщил я герою. «Не

знаю, что на это сказать». – «Скажи, что ты ошибаешься». – «Не могу». – «Ты должен».

«Вот мои карты», – сказал он, извлекая несколько клочков бумаги из своей сумки. Он указал пальцем на тот, что был мокрым от Сэмми Дэвис Наимладшей. Я надеялся, от ее языка. «Вот Трахимброд, – сказал он. – На некоторых картах он также называется Софьевка. Вот Луцк. Вот Колки. Это старая карта. Большинство мест, которые нам нужны, на новых картах отсутствуют. На, – сказал он и презентовал ее мне. – Можешь посмотреть, куда нам ехать. Это все, что у меня есть: карты и фотография. Не так много». – «Я тебе обещаю, что мы найдем Августину», – сказал я. Я ощутил, что это сделало героя умиротворенным. Меня это тоже сделало умиротворенным. «Дедушка», – сказал я, снова разворачиваясь к передку. Я объяснил ему все, что герой изрек для меня. Я проинформировал его об Августине, и о картах, и о бабушке героя. «Колки?» – спросил он. «Колки», – сказал я. Я удостоверился включить все подробности и также изобрел несколько новых, чтобы Дедушка более лучше понял рассказ. Я ощутил, что рассказ ввел Дедушку в сильную меланхолию. «Августина», – сказал он и толкнул Сэмми Дэвис Наимладшую ко мне. Он тщательно исследовал фотографию, пока я фиксировал руль. Он поднес ее к самому лицу, как будто хотел ее понюхать или дотронуться до нее глазами. «Августина». – «Это та, которую мы разыскиваем», – сказал я. Он двинул головой туда и сюда. «Мы найдем ее», – сказал он. «Я знаю», – сказал я. Хотя я не знал, и Дедушка тоже.

Когда мы достигли отеля, темнота уже приступила к сгущению. «Ты должен оставаться в автомобиле», – сообщил я герою, потому что иначе отелевладелец мог узнать, что герой американец, а Отец сообщил мне, что они берут с американцев с излишком. «Почему?» – спросил он. Я сообщил ему, почему. «Откуда они узнают, что я американец?» – «Скажи ему, чтобы оставался в автомобиле, – сказал Дедушка. – А не то они возьмут с него дважды». – «Я усиливаюсь», – сообщил я ему. «Я бы хотел войти с тобой, – сказал герой. – Посмотреть, что за место». – «Зачем?» – «Просто посмотреть. Увидеть, на что это похоже». – «Ты сможешь увидеть, на что это похоже, после того как нас поселят». – «Я бы предпочел сделать это сейчас», – сказал он, и я должен признаться, что он начинал быть у меня на нервах. «Хули ему еще непонятно?» – спросил Дедушка. «Он хочет войти со мной». – «Почему?» – «Потому что он американец». – «Ничего, если я войду?» – снова спросил он. Дедушка повернулся к нему и сказал мне: «Он платит. Если он хочет платить с излишком, пусть платит с излишком». Поэтому я прихватил его с собой, когда вошел в отель, чтобы заплатить за два номера. Если хотите знать, почему за два номера, то один был для нас с Дедушкой, а другой – для героя. Отец сказал, чтобы мы

поступили именно так.

Когда мы вошли в отель, я сказал герою не разговаривать. «Не разговаривай», – сказал я. «Почему?» – спросил он. «Не разговаривай», – сказал я голосом, лишенным объемности. «Почему?» – спросил он. «Я тебя наставлю позднее. Шшшш». Но он продолжал осведомляться, почему ему нельзя разговаривать, и я был уверен, что отелевладелец его услышал. «Мне необходимо лицезреть ваши документы», – сказал отелевладелец. «Ему необходимо лицезреть твои документы», – сказал я герою. «Почему?» – «Дай их мне». – «Почему?» – «Если мы хотим иметь номер, он должен лицезреть наши документы». – «Я не понимаю». – «Здесь нечего понимать». – «Какая-нибудь проблема? – осведомился у меня отелевладелец. – Потому что это единственный отель в Луцке, который все еще обладает номерами в эту пору ночи. Вы желаете попробовать счастья на улице?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/dzhonatan-foer/polnaya-illuminaciya/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

VIP – Very Important Person, Очень Важная Персона (здесь и далее примечания переводчика).

2

«The making of Thriller» – видеоролик о том, как снимался клип Майкла Джексона Thriller.

3

От gefilte fish – фаршированная рыба (идиш).

Купить: <https://telnovel.me/dzhonatan-foer/polnaya-illyuminaciya-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)